

ДЭН БРАУН

Инферно

**Дэн Браун
Инферно**

© Dan Brown, 2013

© Перевод. В.В. Антонов, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Моим родителям посвящается...

Самое жаркое место в аду уготовано тем, кто в пору нравственного испытания предпочитает оставаться в стороне.

Факты:

Все произведения искусства и литературы, а также исторические события, упоминаемые в этом романе, реальны.

Консорциум – частная организация с отделениями в семи странах. Ее название изменено из соображений безопасности и конфиденциальности.

Инферно – преисподняя, изображенная в эпической поэме Данте Алигьери «Божественная Комедия» в виде сложно организованного загробного мира, населенного бестелесными душами, заключенными между жизнью и смертью.

Пролог

Я – Призрак.

За мной – мир слез, страданий и мучений,

За мною – скорбь без грани, без конца,

За мной – мир падших душ и привидений^[1].

Я бегу, задыхаясь, по берегу реки Арно... поворачиваю налево на улицу Каstellани и направляюсь на север, держась в тени галереи Уффици.

Но они по-прежнему не отстают.

Они гонятся за мной с дьявольским упорством, и их шаги звучат все ближе.

Они преследовали меня долгие годы.

Своим упорством они загнали меня в подполье... заставили жить в чистилище... мучиться под землей подобно хтоническому зверю.

Я – Призрак.

Здесь, на поверхности, я обращаю взгляд на север, но не могу найти прямого пути к спасению... ибо первые проблески зари закрывают Апеннинские горы.

Я прохожу позади дворца с его зубчатой башней и часами с одной стрелкой... осторожно проскальзываю между первыми уличными торговцами на площади Сан-Фиренце с их хриплыми голосами и дыханием, наполняющим воздух запахом сычуга и жареных маслин. Не доходя до замка Барджелло, я сворачиваю на запад к башне Бадиа, и, наконец, передо мной дверь из железных прутьев у основания лестницы.

Здесь места страху нет!

Я поворачиваю ручку и вступаю в проход, понимая, что возврата оттуда уже не будет. Я с трудом заставляю себя переставлять налившиеся свинцом ноги по закрученным спиралью узким и стертым от времени мраморным ступеням.

Снизу доносятся голоса. Они взывают ко мне.

Они уже совсем близко и вот-вот меня настигнут.

Они не понимают, что грядет... не понимают, что я для них сделал!

Неблагодарная земля!

По мере того как я поднимаюсь, меня обступают видения... тела распутников, корчащихся под огненными струями, души

чревоугодников, тонушие в нечистотах, вероломные злодеи, застывшие в ледяных объятиях Сатаны.

Я поднимаюсь по последним ступенькам и, обессиленный, оказываюсь на верхней площадке, чувствуя, как влажен и прохладен утренний воздух. Я устремляюсь к стене в человеческий рост и смотрю сквозь проемы в ней на раскинувшийся далеко внизу благословенный город, служивший мне убежищем от тех, для кого я стал изгоем.

Голоса приближаются и становятся все громче.

– То, что ты сделал, безумие!

Безумие порождает безумие.

– Ради всего святого! – молят они. – Скажи, где ты его спрятал!

Но именно ради всего святого я этого не сделаю.

Я стою в углу, прижимаясь спиной к холодному камню. Они вглядываются в мои ясные зеленые глаза, и их лица мрачнеют – теперь от уговоров они переходят к угрозам.

– Ты знаешь, что у нас есть разные методы. Мы можем заставить тебя сказать, где это.

Вот поэтому я и забрался на такую высоту.

Не говоря ни слова, я поворачиваюсь, хватаюсь за край стены и залезаю наверх – там выпрямляюсь и стою, пошатываясь, над пропастью. *Веди меня, Вергилий, путей не разбирая... С тобой мне не страшна пучина зол...*

Не веря своим глазам, они бросаются ко мне, хотят схватить за ноги, но боятся, что я потеряю равновесие и сорвусь вниз. В отчаянии они снова переходят к уговорам, но я отворачиваюсь. *Я знаю, что должен сделать.*

Подо мной, в головокружительной дали, красные черепичные крыши похожи на языки пламени, освещающего эту чудесную страну, по которой некогда бродили гиганты... Джотто, Донателло, Брунеллески, Микеланджело, Боттичелли.

Я подвигаюсь к самому краю.

– Слезай! – кричат они. – Еще не поздно!

Упрямые невежды! Неужели вы не видите будущего? Неужели не понимаете всей красоты моего творения? Его необходимости?

Я с радостью принесу эту жертву... и тем самым лишу вас последней надежды найти то, что вы ищете.

Вам ни за что не отыскать его вовремя.

Мощенная булыжником площадь в сотнях футов подо мной манит, словно райский оазис. Как же мне хочется еще пожить... но время нельзя купить даже на все мои несметные богатства.

В эти последние секунды я смотрю на площадь и вдруг вижу пугающий образ.

Я вижу твое лицо.

Ты смотришь на меня из теней. Твои глаза полны скорби, и все же я вижу в них уважение к моим свершениям. Ты понимаешь, что я лишен выбора. Ради любви к человечеству я должен защитить свой шедевр.

Он набирает силу даже сейчас... ждет... бурлит под водами кровавыми лагуны, которые вовек не отражают звезд.

И вот я отрываю от тебя взгляд и устремляю его на горизонт. Высоко над этим истерзанным миром я возношу свою последнюю молитву.

Боже милостивый, молю, чтобы мир считал меня не чудовищным грешником, а чудесным спасителем, которым, Ты знаешь, я являюсь на самом деле. Я молюсь, чтобы человечество поняло, какой дар я ему оставляю.

Мой дар – будущее.

Мой дар – спасение.

Мой дар – Инферно.

Я шепотом произношу «аминь»... и делаю последний шаг – в небытие.

Глава 1

Воспоминания всплывали медленно... как пузыри из глубин бездонного колодца.

Женщина с вуалью.

Роберт Лэнгдон смотрел на нее через реку, чьи воды бурлили кровью. Женщина неподвижно стояла на другом берегу, повернувшись к нему, но ее лицо скрывала вуаль. В руке она держала узкую головную повязку из синей ткани, которую затем подняла, отдавая дань уважения морю мертвецов у своих ног. В воздухе витал запах смерти.

Ищите, прошептала женщина. И обрящете.

Лэнгдон услышал слова, будто они прозвучали у него в голове.

– Кто вы? – крикнул он, но не услышал своего голоса.

Время уже на исходе, прошептала она. Ищите и обрящете.

Лэнгдон шагнул к реке, но увидел, что перейти ее вброд не сможет – кроваво-красные воды были слишком глубокими. Когда он снова поднял взгляд на женщину с вуалью, тел у ее ног стало гораздо больше. Их было уже сотни, а может, и тысячи; некоторые, еще живые, корчились в агонии и, умирая в жутких муках... поглощались огнем, захлебывались в испражнениях, пожирали друг друга. По воде разносились скорбные крики и вопли людских страданий.

Женщина двинулась к нему, протягивая тонкие руки, словно взывая о помощи.

– Кто вы?! – снова закричал Лэнгдон.

В ответ женщина медленно убрала с лица вуаль. Она была поразительно красива, но старше, чем сначала показалось Лэнгдону – наверное, лет шестидесяти с небольшим, – при этом величественная и статная, словно неподвластная течению времени скульптура. Волевой подбородок, глубокий проникновенный взгляд, длинные серебристые волосы спадают на плечи локонами. На шее амулет из лазурита – змея, обвившая посох.

Лэнгдон чувствовал, что знает ее... доверяет ей. *Но как такое возможно? Почему?*

Она показала на дергавшуюся перед ней пару ног, которые, судя по всему, принадлежали какому-то несчастному, закопанному в землю по пояс вниз головой. На бледном бедре мужчины виднелась написанная грязью буква «R».

«R»? – подумал Лэнгдон. *Первая буква моего имени? Это что – я?*

Лицо женщины оставалось бесстрастным. *Ищите и обрящете*, повторила она.

Внезапно она начала испускать сияние, которое становилось все ярче и ярче. Затем ее тело задрожало, начало вибрировать и в конце концов с грохотом взорвалось и разлетелось на тысячи световых осколков.

Лэнгдон закричал и очнулся.

Он лежал в светлой комнате, где кроме него никого не было. В воздухе резко пахло спиртом, и слышался размеренный, в такт его сердцу, писк какого-то прибора. Лэнгдон попытался пошевелить правой рукой, но сразу почувствовал острую боль. Скосив глаза вниз, он увидел, что к руке подсоединена капельница.

Сердце его забило быстрее, о чем сразу возвестил участвовавший писк прибора.

Где я? Что со мной?

В голове пульсировала тупая, ноющая боль. Он осторожно поднял руку и дотронулся до затылка, пытаясь определить источник боли. Под спутанными волосами нащупал примерно с десяток швов, покрытых запекшейся кровью.

Он закрыл глаза, стараясь вспомнить, что с ним случилось.

Ничего. Полная пустота.

Думай.

Никаких проблесков.

В палату торопливо вошел мужчина в белом халате, видимо, отреагировавший на участвовавший сигнал кардиомонитора. У него были косматая борода, густые усы и добрые глаза, участливо смотревшие из-под кустистых бровей.

– Что... случилось? – с трудом выдавил из себя Лэнгдон. – Я попал в аварию?

Приложив палец к губам, бородач вернулся в коридор и кого-то позвал.

Лэнгдон повернул голову, но это движение отозвалось острой болью. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, он дал боли успокоиться. Затем очень осторожно и методично осмотрел больничную палату.

В ней стояла только одна кровать – его. На тумбочке рядом не оказалось ни цветов, ни визитных карточек. Его одежда, сложенная в прозрачный пластиковый мешок, была перепачкана кровью.

Боже милостивый! Должно быть, дело серьезное.

Лэнгдон осторожно повернул голову в сторону окна у кровати. На улице было темно. Ночь. В стекле Лэнгдону было видно его отражение – мертвенно-бледный незнакомец, опутанный трубками и проводами, в окружении медицинских приборов.

Голоса в коридоре стали громче, и Лэнгдон перевел взгляд на дверь в палату. Врач вернулся, но уже в сопровождении женщины на вид лет тридцати с небольшим. Она была одета в голубую медицинскую форму, светлые волосы забраны в конский хвост, раскачивавшийся в такт ее шагам.

– Я доктор Сиенна Брукс, – представилась она Лэнгдону с улыбкой. – В эту смену я работаю вместе с доктором Маркони.

Лэнгдон слабо кивнул.

Высокая и пластичная, доктор Брукс двигалась с легкостью спортсменки. Даже мешковатая униформа не могла скрыть грациозности ее движений. Лэнгдон заметил, каким гладким и чистым было ее лицо без макияжа, – лишь крошечная родинка над верхней губой нарушала его безупречность. Взгляд ее карих глаз был удивительно пронизательным, будто принадлежал человеку, много повидавшему в жизни, что так редко бывает у людей ее возраста.

– Доктор Маркони плохо говорит по-английски, – пояснила она, садясь рядом, – и он попросил меня заполнить вашу регистрационную карту. – Она снова улыбнулась.

– Спасибо, – прохрипел Лэнгдон.

– Хорошо, – начала она деловым тоном, – как вас зовут?

Он ответил не сразу.

– Роберт... Лэнгдон.

Доктор Брукс посветила Лэнгдону в глаза маленьким фонариком.

– Род занятий?

Чтобы ответить на этот вопрос, ему потребовалось еще больше времени.

– Я профессор. Читаю курс по истории искусств... и науке о символах. В Гарвардском университете.

Доктор Брукс удивленно опустила фонарик. Врач с кустистыми бровями выглядел не менее изумленным.

– Вы... американец?

Лэнгдон непонимающе на нее посмотрел.

– Просто... – Она запнулась. – Когда вы поступили к нам вечером, при вас не было никаких документов. На вас был пиджак из харрисовского твида и английские туфли, поэтому мы решили, что вы англичанин.

– Я американец, – заверил ее Лэнгдон, не чувствуя в себе сил объяснять, почему отдает предпочтение дорогой и элегантной одежде.

– У вас что-нибудь болит?

– Голова, – ответил Лэнгдон.

От яркого луча света пульсирующая в затылке боль усилилась. К счастью, доктор Брукс убрала фонарик в карман и взяла Лэнгдона за руку, чтобы проверить пульс.

– Вы очнулись от крика, – сказала она. – Вы помните, что вас так напугало?

Перед глазами Лэнгдона снова возникла женщина со скрытым вуалью лицом в окружении корчащихся тел. *Ищите и обрящете.*

– У меня был кошмар.

– Какой именно?

Лэнгдон рассказал.

Доктор Брукс записала что-то на листе бумаги, прикрепленном к планшету с зажимом. На ее лице ничего не отразилось.

– А что, по-вашему, могло вызвать столь пугающее видение?

Лэнгдон попытался порыться в памяти, но лишь удрученно покачал головой, которая тут же отреагировала ноющей болью.

– Хорошо, мистер Лэнгдон, – сказала доктор Брукс, продолжая делать заметки, – еще пара стандартных вопросов. Какой сегодня день недели?

Лэнгдон на мгновение задумался.

– Суббота. Я помню, как шел по университетскому городку... направлялся читать вечерние лекции... а потом... это, в общем-то, последнее, что я помню. Я что – упал?

– Мы дойдем до этого. Вы знаете, где сейчас находитесь?

– В Массачусетской больнице? – предположил Лэнгдон.

Доктор Брукс опять что-то записала.

– У вас есть близкие, кому следует о вас сообщить? Жена? Дети?

– Нет, – машинально ответил Лэнгдон. Он всегда дорожил одиночеством и независимостью, которые давал ему сознательный выбор холостяцкой жизни. Однако сейчас был вынужден признать, что совсем не возражал бы увидеть рядом знакомое лицо. – Есть кое-кто из коллег, но я в порядке, так что необходимости с кем-то связываться нет.

Доктор Брукс закончила писать, и вперед выступил второй врач. Поглаживая густые брови, он вытащил из кармана маленький диктофон и показал его своей коллеге. Та понимающе кивнула и повернулась к пациенту.

– Мистер Лэнгдон, когда вы вчера вечером попали к нам, вы повторяли в бреду одно и то же слово. – Она взглянула на доктора Маркони, который протянул диктофон ближе и нажал кнопку.

Включилась запись, и Лэнгдон услышал свой прерывистый голос, невнятно повторявший слово, похожее на «визири».

– Мне кажется, – предположила женщина, – что вы произносите слово «визири».

Лэнгдон согласился с ней, хоть и не имел понятия, о чем шла речь.

Доктор Брукс испытующе на него посмотрела.

– У вас есть представление, что стоит за этим словом? Вам оно о чем-то говорит?

Порывшись в памяти, Лэнгдон снова увидел загадочную женщину. Она стояла на берегу кровавой реки в окружении тел. Воздух опять наполнил зловонный запах смерти.

Неожиданно Лэнгдона охватило инстинктивное чувство опасности... грозившей не только ему... но и всем людям на земле. Писк кардиомонитора резко участился. По телу Лэнгдона пробежала дрожь, он попытался сесть.

Доктор Брукс быстро положила руку ему на грудь, удерживая на месте. Потом бросила взгляд на бородатого доктора, и тот, подойдя к стоявшему рядом столику, начал проделывать какие-то манипуляции.

Наклонившись над Лэнгдоном, доктор Брукс успокаивающе прошептала:

– Мистер Лэнгдон, нервозность – обычный симптом при травмах головного мозга, но вам нельзя волноваться. Лежите спокойно. Никаких переживаний. Просто лежите и набирайтесь сил. С вами все будет в порядке. И память постепенно вернется.

Бородач подошел к доктору Брукс и передал ей шприц. Она ввела его содержимое в капельницу Лэнгдона.

– Это легкое успокоительное, которое снимет напряжение, – пояснила доктор Брукс, – а также облегчит боль. – Она поднялась, готовясь уйти. – Все будет хорошо, мистер Лэнгдон. Постарайтесь поспать. Если вам что-нибудь понадобится, нажмите на кнопку рядом с кроватью. – Она выключила свет и вслед за бородатым доктором вышла из палаты.

Лежа в темноте, Лэнгдон чувствовал, как лекарство начинает действовать и его тело вновь погружается в глубокий колодец, в котором пребывало совсем недавно. Он боролся со сном и изо всех сил старался не закрывать глаза. Затем попытался сесть, но тело не слушалось. Наконец ему удалось повернуться лицом к окну. При выключенном свете его отражение в окне исчезло, и теперь в нем виднелись контуры стоящих вдалеке зданий. Среди шпилей и куполов выделялось внушительное и величественное строение. Оно представляло собой огромную каменную крепость с зубчатым парапетом и стенами с бойницами, над которыми вздымалась высоченная башня.

Лэнгдон рывком выпрямился и сел – от резкого движения голову пронзила острая боль. Дождавшись, когда она утихнет, он перевел взгляд на башню.

Лэнгдон отлично знал это средневековое сооружение. Других таких в мире не было. Однако находилось оно в четырех тысячах миль от Массачусетса.

За окном палаты на улице Торрегалли, окутанной ночным мраком, женщина крепкого телосложения легко спрыгнула с мотоцикла «БМВ». Внимательно оглядываясь по сторонам, она направилась к входу в больницу пружинящей походкой пантеры, преследующей добычу. Над воротником-стойкой черной кожаной куртки торчали склеенные в шипы коротко стриженные волосы. Проверив пистолет с глушителем, она перевела взгляд на окно палаты Лэнгдона, где только что погас свет.

Накануне вечером она бездарно провалила возложенную на нее миссию. И все из-за какого-то воркования голубя.

Теперь она приехала, чтобы все исправить.

Глава 2

Я во Флоренции?!

В голове у Роберта Лэнгдона стучало. Он сидел на больничной койке и лихорадочно жал на кнопку вызова. Несмотря на действие успокоительного, сердце его, казалось, вот-вот выскочит из груди.

В палату влетела доктор Брукс – ее конский хвост метался из стороны в сторону.

– С вами все в порядке?

Лэнгдон озадаченно покачал головой.

– Я... в Италии?!

– Отлично! – воскликнула она. – Значит, память возвращается.

– Нет! – Лэнгдон показал на видневшееся за окном величественное строение. – Я узнал палаццо Веккьо.

Доктор Брукс снова включила свет, и зданий за окном не стало видно. Она подошла к кровати и тихо, успокаивающе заговорила:

– Мистер Лэнгдон, вам не о чем беспокоиться. Вы страдаете от легкой амнезии, но доктор Маркони уже убедился в том, что ваш мозг функционирует без каких-либо нарушений.

В палату стремительно ворвался бородатый врач – судя по всему, он тоже услышал сигнал вызова. Он занялся изучением показаний кардиомонитора, пока доктор Брукс вводила его в курс дела на беглом итальянском – что-то насчет того, каким *agitato* Лэнгдон стал, узнав, что находится в Италии.

Взволнован? – сердито подумал Лэнгдон. *Скорее, ошарашен!* Адреналин, бушевавший в его крови, теперь сражался с успокоительным.

– Что со мной произошло? – поинтересовался он. – Какой сегодня день?!

– Все в порядке, – заверила она. – Сейчас раннее утро понедельника, восемнадцатое марта.

Понедельник. Усилием воли Лэнгдон заставил болевшую голову сосредоточиться и еще раз припомнить последнее, что сохранилось в его памяти – такой темной и холодной. Он шел в одиночестве по студенческому городку Гарварда, направляясь на вечерние лекции.

Это было в субботу. *То есть два дня назад?!* Он так и не смог вспомнить ни самой лекции, ни того, что случилось после нее, и его охватила настоящая паника. *Он не помнил ничего!* Кардиомонитор опять тревожно запищал. Почесав бороду, доктор Маркони снова занялся настройкой оборудования, а доктор Брукс села рядом с Лэнгдоном.

– С вами все будет в порядке, – мягко заверила она. – У вас просто ретроградная амнезия, которая очень часто наблюдается при травме головы. Ваши воспоминания о последних нескольких днях могут быть отрывочными или отсутствовать вовсе, но вскоре все придет в норму. – Она немного помолчала. – А вы помните, как меня зовут? Я говорила вам, когда заходила в первый раз.

Лэнгдон на секунду задумался.

– Сиенна.

Доктор Сиенна Брукс.

– Вот видите? – улыбнулась она. – У вас уже формируются новые воспоминания.

Голова у Лэнгдона раскалывалась от боли, а предметы вблизи расплывались.

– Что случилось? Как я сюда попал?

– Мне кажется, вам следует немного отдохнуть, и, возможно...

– Как я сюда попал?! – решительно повторил он, и писк монитора участился.

– Хорошо, хорошо, только успокойтесь, – ответила доктор Брукс, обмениваясь нервным взглядом с коллегой. – Я вам расскажу. – Ее голос стал серьезным. – Мистер Лэнгдон, три часа назад вы появились в приемном покое нашей больницы, истекая кровью, и сразу же потеряли сознание. Никто не знал, кто вы такой, как сюда попали. Вы что-то бормотали на английском, поэтому доктор Маркони и попросил меня помочь. Сама я приехала из Англии и работаю здесь временно, пока нахожусь в творческом отпуске.

Лэнгдону показалось, что он попал в картину Макса Эрнста. *Что, черт возьми, я делаю в Италии?* Обычно Лэнгдон приезжал сюда раз

в два года в июне на искусствоведческую конференцию, но сейчас был март.

Успокоительное давало о себе знать, и Лэнгдон чувствовал, как с каждым мгновением сила земного притяжения нарастала и пыталась втиснуть его в матрац. Он из последних сил старался держать голову ровно, боясь, что вот-вот отключится.

Доктор Брукс наклонилась над ним и казалась парящей, будто ангел.

– Пожалуйста, мистер Лэнгдон, – попросила она тихим голосом. – Чтобы избежать серьезных осложнений при травмах головы, в первые сутки надо проявлять особую осторожность. Вы должны отдохнуть, иначе подвергнете себя большому риску.

Неожиданно из динамика внутренней связи послышался голос:

– Доктор Маркони?

Бородатый врач нажал на кнопку на стене и ответил:

– Sì?

Из динамика полилась быстрая итальянская речь. Лэнгдон ничего не понял, но заметил, с каким удивлением переглянулись медики.
Или с тревогой?

– Momento, – ответил Маркони, заканчивая разговор.

– Что происходит? – поинтересовался Лэнгдон.

Глаза доктора Брукс чуть сузились.

– Звонил дежурный администратор реанимационного отделения. К вам пришел посетитель.

В тумане, окутывавшем сознание Лэнгдона, вдруг забрезжил лучик надежды.

– Это отличные новости! Возможно, этот человек знает, что со мной приключилось.

На лице доктора Брукс отразилось сомнение.

– Очень странно, что о вас кто-то спрашивает. Мы не знали вашего имени и даже не успели вас зарегистрировать.

Лэнгдон продолжал сражаться с успокоительным и неловко выпрямился в постели.

– Если кому-то известно, что я здесь, то этот человек должен знать, что произошло!

Доктор Брукс взглянула на доктора Маркони, который решительно покачал головой и постучал по циферблату своих часов. Тогда она повернулась к Лэнгдону.

– Это отделение интенсивной терапии, – объяснила она. – Сюда запрещен доступ по крайней мере до девяти утра. Сейчас доктор Маркони сходит и узнает, кто этот посетитель и что ему нужно.

– А как насчет того, что нужно мне? – спросил Лэнгдон.

Доктор Брукс терпеливо улыбнулась и, наклонившись к Лэнгдону, тихо объяснила:

– Мистер Лэнгдон, вы не все знаете о прошлой ночи... о том, что с вами случилось. И прежде чем с кем-нибудь разговаривать, полагаю, вам надо узнать все факты. К сожалению, вы еще недостаточно окрепли, чтобы...

– Какие еще факты?! – изумился Лэнгдон. Он постарался выпрямиться и сесть ровно. Руку в том месте, куда входила игла от капельницы, сильно щипало, а тело, казалось, весило несколько сот фунтов. – Я знаю только то, что нахожусь во флорентийской больнице и появился тут, повторяя в бреду слово «визири»... – Неожиданно ему на ум пришла страшная догадка. – Я что – виноват в дорожной аварии? Из-за меня кто-то пострадал?

– Нет-нет, – заверила она. – Я так не думаю.

– Тогда что? – не унимался Лэнгдон, со злостью переводя взгляд с одного доктора на другого. – Я имею право знать, что происходит!

После долгого молчания доктор Маркони наконец нехотя кивнул своей привлекательной молодой коллеге. Доктор Брукс выдохнула и придвинулась к кровати Лэнгдона еще ближе.

– Ладно, я расскажу, что мне известно... а вы все выслушаете спокойно, договорились?

Лэнгдон кивнул, что снова отозвалось острой болью в голове. Но он так хотел получить ответы, что не обратил на боль внимания.

– Во-первых, дело в том... что ваша рана на голове вызвана не аварией.

– Рад это слышать.

– Как сказать. На самом деле ее причиной является пуля.

Кардиомонитор тревожно запищал.

– Прошу прощения?!

Доктор Брукс продолжила говорить ровным тоном, но очень быстро.

– Пуля оцарапала вам макушку и, судя по всему, вызвала сотрясение мозга. Вам очень повезло, что вы остались живы. На дюйм ниже, и... – Она покачала головой.

Лэнгдон изумленно уставился на нее. *В меня стреляли?*

Из холла донеслись разгневанные голоса – там явно разразился скандал. Судя по всему, посетитель, приехавший навестить Лэнгдона, не хотел ждать. Почти сразу Лэнгдон услышал, как распахнулась тяжелая дверь в дальнем конце коридора, и в проеме показалась фигура, направлявшаяся в их сторону.

Женщина, с ног до головы облаченная в экипировку из черной кожи. Спортивная, с темными волосами, склеенными в шипы. Она двигалась легко, словно не касаясь земли, и направлялась напрямиком к палате Лэнгдона.

Доктор Маркони немедленно встал в дверях, преграждая путь незваной гостье.

– Ferma!^[2] – скомандовал он, выставив вперед раскрытую ладонь, как делают полицейские.

Незнакомка, не замедляя шага, вытащила пистолет с глушителем, направила его доктору Маркони в грудь и выстрелила.

Раздался характерный хлопок.

Лэнгдон с ужасом увидел, как доктор Маркони пошатнулся и упал навзничь, прижимая руку к груди. На белом халате расплывалось кровавое пятно.

Глава 3

Роскошная яхта «Мендаций» свыше двухсот тридцати футов длиной рассекала воды Адриатики в пяти милях от побережья Италии. Над легкой зыбью клубился предрассветный туман. Из-за темно-серого цвета, в который был выкрашен корпус из радиопоглощающих материалов, судно больше походило на военный корабль, что его отнюдь не украшало.

Проданная за триста с лишним миллионов долларов яхта имела на борту полный набор атрибутов комфорта, типичных для судов такого класса: сауну, бассейн, кинотеатр, персональную подводную лодку и вертолетную площадку. Однако человека, купившего яхту пять лет назад, роскошь интересовала меньше всего – он сразу избавился от ненужных излишеств, а освободившееся пространство использовал для командного центра, оборудованного по последнему слову техники, начинив его электроникой и защитив от взлома свинцовыми переборками.

Благодаря трем каналам спутниковой связи и широкой сети наземных ретрансляционных станций почти два десятка живших на борту техников, аналитиков и координаторов операций поддерживали постоянный контакт с оперативными центрами на суше.

Безопасность судна обеспечивалась небольшой группой бывших военных, в распоряжении которых имелись две системы обнаружения ракет и внушительный арсенал новейшего вооружения. С учетом вспомогательного персонала – поваров, уборщиков и прислуги – всего на борту находилось чуть более сорока человек. «Мендаций», по сути, представлял собой мобильное офисное здание, из которого его владелец управлял своей империей.

Маленький и тщедушный, с темной от загара кожей и глубоко посаженными глазами, он был известен своим подчиненным только как Ректор. Его внешняя невзрачность и решительность в действиях

как нельзя лучше соответствовали образу человека, сколотившего огромное состояние на оказании услуг особого рода не самым примерным членам общества.

Его называли по-разному – бездушным наемником, пособником греха, орудием дьявола, – но никем из перечисленного он не являлся. Ректор всего лишь предоставлял клиентам возможность удовлетворять свои амбиции и желания без каких бы то ни было неприятных последствий, а то, что человечество греховно по своей природе, его не беспокоило.

Несмотря на критику хулителей и недоброжелателей, моральный кодекс Ректора оставался незыблемым. Его репутация – как и сам Консорциум – покоилась на двух столпах.

Никогда не давать обещания, которого не сможешь сдержать.

И никогда не подводить клиента.

Что бы ни случилось.

За всю свою профессиональную деятельность Ректор ни разу не нарушил данного обещания и не давал обратного хода. Его слово было самой верной гарантией и надежным, как банковский сейф, и хотя о заключении некоторых контрактов он сожалел, возможность их расторжения никогда не рассматривалась.

В это утро Ректор вышел на балкон своей каюты и, глядя на покрытую барашками водную гладь, пытался избавиться от нехорошего предчувствия, лишавшего его душевного покоя.

Решения, принятые нами в прошлом, создадут наше настоящее.

Решения, которые Ректор принимал в прошлом, не раз заводили его на опасное минное поле, но ему всегда удавалось с него выбраться невредимым. Однако сегодня, разглядывая далекие огоньки на берегу, он ощущал непривычную тревогу.

Год назад, на этой самой яхте, он принял решение, последствия которого теперь угрожали разрушить все, что он построил. *Я согласился предоставить услуги не тому человеку.* Тогда Ректор никак не мог предположить, каким шквалом непредвиденных проблем обернется этот просчет, заставивший его отправить на

задание своих лучших агентов с приказом «любыми средствами» удержать давшее течь судно на плаву.

Сейчас он с нетерпением ждал вестей от конкретного агента.

Вайента, подумал он, вспоминая опытную и отлично подготовленную оперативницу с причудливой прической из шипов. Вайента, которая до этого выполняла все задания безупречно, вчера совершила непростительную ошибку, чреватую ужасными последствиями. Последние шесть часов были гонкой на выживание, отчаянной попыткой восстановить контроль над ситуацией.

Вайента утверждала, что ей просто не повезло и задание оказалось проваленным из-за голубя, заворковавшим так некстати.

Однако Ректор никогда не полагался на удачу. Все, что он делал, обязательно тщательно продумывалось, чтобы исключить малейшую случайность и свести риски к нулю. Его фирменным знаком был контроль, который достигался умением предвидеть все возможные варианты, предвосхищать любую реакцию и направлять события в русло, ведущее к нужному результату. Клиентуру Ректора составляли миллиардеры, политики, шейхи и даже правительства, чье доверие он заслужил впечатляющим списком успешно проведенных операций и неукоснительным соблюдением секретности.

Небо на востоке начинало светлеть, растворяя висевшие над горизонтом звезды. Ректор стоял на палубе и терпеливо дожидался донесения Вайенты об успешном выполнении задания.

Глава 4

На мгновение Лэнгдону показалось, что время остановилось. Доктор Маркони неподвижно лежал на полу, и на его груди расплывалось кровавое пятно. Превозмогая действие снотворного, Лэнгдон поднял взгляд на убийцу со странной прической, которая продолжала идти по коридору. Теперь от открытой двери в палату ее

отделяло всего несколько шагов. У порога она посмотрела на Лэнгдона и вскинула пистолет, целясь ему в голову.

Сейчас я умру, подумал Лэнгдон. Это конец.

Тишину больницы разорвал оглушительный грохот. Лэнгдон невольно отпрянул назад, не сомневаясь, что в него попали, но грохот был не от выстрела. Это доктор Брукс успела броситься к тяжелой металлической двери в палату и с силой захлопнуть ее. Щелкнул замок.

С перекошенным от страха лицом Сиенна опустилась на колени возле лежавшего в крови коллеги и принялась нащупывать пульс. Доктор Маркони закашлялся, заливая хлынувшей горлом кровью щеки и бороду, потом дернулся и затих.

– Enrico, no! Ti prego!^[3] – закричала она.

Железная дверь грохотала под градом сыпавшихся на нее пуль. Из коридора доносились испуганные крики.

Тело Лэнгдона непостижимым образом обрело подвижность, а паника и инстинкт самосохранения нейтрализовали действие снотворного. Он неловко стал выбираться из кровати, и вдруг его правое предплечье пронзила острая боль. В первое мгновение он решил, что в него угодила пуля, прошившая дверь насквозь, но, опустив взгляд, увидел, что все дело в оторвавшейся трубке капельницы: из пластикового катетера, застрявшего в руке, сочилась кровь. От сонливости не осталось и следа.

Склонившись над телом Маркони, доктор Брукс продолжала искать пульс – в ее глазах стояли слезы. Затем, будто по команде, она поднялась и повернулась к Лэнгдону. Выражение ее лица тут же изменилось, на нем отразилась уверенность опытного врача «скорой помощи», привыкшего действовать в критических ситуациях.

– За мной! – скомандовала она и, схватив Лэнгдона за руку, потащила его в другой конец комнаты.

С трудом переставляя ноги, он безропотно подчинился, а из коридора продолжали доноситься звуки выстрелов и испуганные крики. В голове у него прояснилось, но напичканное лекарствами

тело слушалось плохо. *Быстрее!* Он был босиком и чувствовал, как от кафельного пола веет холодом, а тонкая больничная сорочка с завязками на спине оказалась слишком короткой для него. Из вены на руке все еще сочилась горячая кровь.

За спиной по-прежнему раздавались выстрелы – это убийца методично пыталась выбить замок, и доктор Брукс бесцеремонно втолкнула Лэнгдона в маленькую ванную комнату. Она уже собиралась войти следом, но вдруг остановилась и неожиданно бросилась назад, чтобы схватить со столика его заляпанный кровью твидовый пиджак.

Какого черта?!

Сжимая пиджак в руке, она быстро заперла за собой дверь в ванную, и в этот момент в палату ворвалась убийца.

Сиенна действовала решительно. Распахнув в ванной вторую дверь, она увлекла Лэнгдона в смежную послеоперационную палату. Сзади снова раздались выстрелы, и доктор Брукс, выглянув в коридор, быстро схватила Лэнгдона за руку и потащила по коридору на лестничную клетку. От резкого движения у Лэнгдона закружилась голова – он чувствовал, что в любой момент может отключиться.

Следующие пятнадцать секунд он почти ничего не соображал... куда-то спускался по ступенькам... спотыкался... падал. Голова раскалывалась от боли. Перед глазами все плыло, ноги не слушались, а каждое движение было как в замедленной съемке.

И вдруг в лицо ему дохнуло холодом.

Я на улице.

Когда доктор Брукс тащила его по темному переулку подальше от больницы, Лэнгдон наступил на что-то острое и упал, сильно ударившись о тротуар. С трудом подняв его на ноги, Сиенна, не сдержавшись, выругалась, проклиная успокоительное, которым его напичкали.

В конце переулка Лэнгдон снова споткнулся и упал. На этот раз доктор Брукс не стала его поднимать – она выскочила на мостовую, крича кому-то вдалеке. Лэнгдону удалось разглядеть слабый

зеленый огонек такси, стоявшего перед входом в больницу. Автомобиль не двигался, его водитель наверняка спал. Доктор Брукс снова закричала, отчаянно размахивая руками. Наконец фары машины зажглись, и она медленно тронулась в их сторону.

Позади Лэнгдона в переулке открылась дверь, и послышались быстро приближающиеся шаги. Он обернулся и увидел темную фигуру, которая направлялась к нему. Лэнгдон попытался сам подняться на ноги, но Сиенна была уже рядом и затолкала его на заднее сиденье подъехавшего «фиата». Лэнгдон практически съехал на пол, когда доктор Брукс нырнула за ним следом и захлопнула за собой дверь.

Заспанный водитель обернулся и с недоумением уставился на странную парочку, забравшуюся к нему в машину, – молодую женщину в медицинской униформе, с собранными в конский хвост волосами и мужчину в рваной больничной сорочке и с залитой кровью рукой. Он уже хотел сказать, чтобы они убирались ко всем чертям, как вдруг боковое зеркало разлетелось на мелкие осколки. К машине бежала затаенная в черную кожу женщина с пистолетом в руке. Доктор Брукс едва успела пригнуть Лэнгдону голову, когда послышался свистящий звук нового выстрела и заднее стекло разлетелось вдребезги, осыпая их мелкими осколками.

Никаких других доводов водителю не понадобилось. Он вдавил педаль газа в пол, и такси рвануло с места.

Лэнгдон был на грани обморока. *Кто-то пытается меня убить?*

Когда машина повернула за угол, доктор Брукс выпрямилась на сиденье и взяла Лэнгдона за окровавленную руку. Из вены на сгибе локтя неуклюже торчала игла с обрывком трубки.

– Посмотрите в окно, – приказала она.

Лэнгдон повиновался. Свет фар выхватывал из темноты пронесившиеся мимо призрачные надгробные плиты. То, что они проезжали кладбище, казалось весьма символичным. Лэнгдон почувствовал, как пальцы доктора осторожно нащупали иглу – и вдруг она резко ее выдернула.

Жгучая боль пронзила Лэнгдону руку и буквально расколола ему череп. Он почувствовал, как его глаза закатились, и провалился в темноту.

Глава 5

Резкий телефонный звонок заставил Ректора оторвать взгляд от стелившейся над водной гладью дымки и поспешно вернуться в оборудованную под офис каюту. *Наконец-то*, подумал он, с нетерпением ожидая новостей.

На экране монитора светилось сообщение о входящем звонке с мобильного телефона «Тайгер» шведской компании «Сектра коммьюникейшнз», предназначенного для защиты разговора от прослушивания. Прежде чем достигнуть его, сигнал прошел переадресацию через четыре неотслеживаемых маршрутизатора.

Надев наушники, он произнес медленно и четко:

– Говорит Ректор. Я слушаю.

– Это Вайента, – слышалось в ответ.

Ректор уловил в ее голосе необычную нервозность. Оперативники редко разговаривали с Ректором напрямую, но еще реже оставались у него на службе после провала, подобного допущенному в прошлую ночь. Однако исправить положение мог только агент на месте, и Вайента для этого подходила больше других.

– Есть новости, – сообщила Вайента.

Молчание Ректора означало, что он ждет продолжения.

– Лэнгдону удалось скрыться, – сообщила она нарочито сухо, будто подчеркивая свой профессионализм. – Предмет по-прежнему у него.

Ректор опустил в кресло и долго молчал.

– Понятно, – наконец произнес он. – Полагаю, он обратится к властям при первой возможности.

Старший координатор Лоренс Ноултон, сидевший за своим пультом в защищенном центре управления двумя палубами ниже, увидел, что разговор Ректора по закодированной линии закончился. Он надеялся, что новости были хорошими. В последние два дня Ректор явно нервничал, и все понимали, что проводится операция, где на кон поставлено очень многое.

Ставки невероятно высоки, и новые промахи были бы непозволительной роскошью.

Обычно контроль над тщательно спланированными операциями осуществлял Ноултон, но в данном случае все пошло наперекосяк, и Ректор взял руководство на себя.

Мы вторглись на неизведанную территорию.

Хотя в настоящий момент Консорциум проводил с полдюжины других операций в разных уголках мира, ими занимались отделения на местах, а Ректор и сотрудники, находившиеся на борту «Мендация», сосредоточились исключительно на этом проекте.

Несколько дней назад их клиент разбился насмерть, прыгнув с высокой башни во Флоренции, но у Консорциума по-прежнему имелись обязательства перед ним. Клиент поручил организации выполнить ряд заданий при любых обстоятельствах – и Консорциум, как всегда, намеревался сделать все без лишних вопросов.

У меня есть приказ, подумал Ноултон, и я его выполню.

Он вышел из своей звуконепроницаемой стеклянной кабины и прошел мимо других отсеков, в которых дежурные сотрудники занимались прочими аспектами этой операции. Одни кабины были забраны прозрачными стеклами, другие – матовыми.

Кивая по дороге техникам, Ноултон пересек центр управления с прохладным кондиционированным воздухом и вошел в небольшое хранилище с дюжиной сейфов, располагавшееся за отдельной дверью. Открыв один из сейфов, он извлек из него ярко-красную флешку. Согласно прикрепленной к ней инструкции, на флешке имелся большой видеофайл, который клиент поручил им отправить основным новостным порталам в определенное время завтра утром.

Осуществить анонимную рассылку не представляло никакого труда, но протокол обращения с цифровыми данными требовал обязательного ознакомления с ними за сутки до рассылки, с тем чтобы у Консорциума было достаточно времени для дешифровки, компилирования и других возможных действий, которые могли потребоваться для загрузки в определенный час.

Исключить любую случайность.

Ноултон вернулся на свое рабочее место и плотно закрыл тяжелую стеклянную дверь, отгородив себя от внешнего мира.

Он щелкнул выключателем на стене, и стеклянные стены кабинки мгновенно стали матовыми. Для обеспечения секретности все перегородки кабинок на борту «Мендация» были изготовлены по технологии «взвешенных частиц». Прозрачность таких стекол легко регулировалась с помощью электрического тока – под напряжением миллионы продолговатых крошечных частиц внутри перегородок выстраивались параллельно друг другу, а при отсутствии напряжения располагались хаотично.

Изоляция участков работы и ограничение информированности сотрудников исключительно рамками их непосредственной задачи являлись краеугольным камнем успеха Консорциума.

Знай только то, что положено. Никому ничего не рассказывай.

Отгородившись от внешнего мира, Ноултон вставил флешку в компьютер и кликнул на файл, открывая его.

Из динамиков послышался мягкий плеск воды, а на мгновенно погасшем экране начало проступать изображение чего-то неясного и темного. Постепенно изображение стало обретать четкость... это была какая-то пещера... или огромный зал. Вместо пола в нем была вода – что-то вроде подземного озера. Как ни странно, вода светилась... будто ее подсвечивали изнутри.

Ничего подобного Ноултон никогда раньше не видел. Вся пещера переливалась жутким красноватым сиянием, а на светлых стенах дрожали отблески водной ряби. *Что это... за место?* Под продолжающийся плеск камера начала спускаться к воде и наконец

погрузилась в нее. Наступила зловещая тишина. Камера продолжила движение вниз и на глубине в несколько футов замерла у покрытого илом дна.

К нему была привинчена блестящая прямоугольная табличка из титана.

На ней имелась надпись.

СЕГОДНЯ В ЭТОМ МЕСТЕ
МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА

Внизу были выгравированы имя и дата.

Имя – их клиента.

А дата... завтрашний день.

Глава 6

Лэнгдон почувствовал, как чьи-то сильные руки подхватывают его... заставляют очнуться и помогают выбраться из такси. Тротуар под босыми ногами казался ледяным.

Опираясь на свою стройную спутницу, Лэнгдон, пошатываясь, брел по безлюдному проулку между двумя большими жилыми домами. Порывы утреннего ветра забирались под больничную сорочку, и Лэнгдон чувствовал холод в тех местах, которые обычно бывают прикрытыми.

От введенного в больнице успокоительного он плохо соображал, в глазах все расплывалось. Как будто он шел под водой, пытаясь пробиться сквозь вязкий и тусклый мир. Сиенна Брукс тащила его вперед, поддерживая с удивительной для такого хрупкого тела силой.

– Лестница, – предупредила она, и Лэнгдон понял, что они добрались до бокового входа в здание.

Ухватившись за перила, Лэнгдон, покачиваясь, шаг за шагом поднимался по ступенькам, с трудом переставляя ноги. Тело не слушалось. Доктор Брукс буквально толкала его сзади, не позволяя останавливаться. Когда они наконец добрались до двери, она набрала несколько цифр на ржавом кодовом замке, в замке что-то щелкнуло, и дверь открылась.

В подъезде было не намного теплее, но для босого Лэнгдона плитка на полу казалась мягким ковром по сравнению с шершавым асфальтом на улице. Доктор Брукс подвела его к крошечному лифту, открыла раздвижную дверь и впихнула в кабинку размером с телефонную будку. В ней пахло сигаретами «MS» – этот горьковато-сладкий запах, как и аромат свежесваренного кофе эспрессо, висит в Италии повсюду. От запаха в голове Лэнгдона чуть прояснилось. Доктор Брукс нажала кнопку, и где-то высоко над ними с лязгом пришли в движение изношенные шестерни...

Тронулись...

Скрипучая кабинка, дребезжа и вибрируя, потащилась вверх. Ее стены были из металлической сетки, и сквозь нее Лэнгдон видел проплывающие вниз стены шахты. Несмотря на полубессознательное состояние Лэнгдона, его хроническая клаустрофобия тут же дала о себе знать.

Не смотреть.

Он прислонился к стенке лифта, пытаясь восстановить дыхание. Рука продолжала ныть, и, опустив взгляд, Лэнгдон увидел, что она неуклюже обмотана рукавом его твидового пиджака. Сам пиджак, обтрепанный и грязный, волочился по земле.

Он закрыл глаза, чтобы унять стучавшую в висках боль, и вновь провалился в темноту.

Из нее выплыло знакомое видение – похожая на изваяние женщина со скрытым вуалью лицом, с амулетом и струящимися локонами серебристых волос. Как и раньше, она стояла на берегу кроваво-красной реки в окружении корчившихся тел. Она

обращалась к Лэнгдону, и ее голос звучал умоляюще. *Ищите и обрящете!*

Лэнгдон почувствовал, что должен обязательно спасти ее... спасти всех. Торчавшие из земли ноги зарытых вниз головой людей бессильно падали... одна за другой.

Кто вы?! – беззвучно выкрикнул он. Чего вы хотите?

Пышные серебристые волосы странной дамы затрепетали на горячем ветру. *Время уже на исходе*, прошептала она, касаясь рукой ожерелья с амулетом. И вдруг превратилась в ослепительный огненный вал, который пронесся через реку, поглотив и его тоже.

Лэнгдон громко закричал и очнулся.

– Что случилось? – спросила доктор Брукс, с тревогой глядя на него.

– Снова галлюцинация, – объяснил Лэнгдон. – Та же самая.

– Женщина с серебристыми волосами? А вокруг тела мертвецов?

Лэнгдон кивнул, чувствуя, как на лбу выступает испарина.

– Это пройдет, – заверила Сиенна, хотя голос у нее самой задрожал. – Повторяющиеся видения типичны при амнезии. Из-за временного нарушения функции мозга, отвечающей за сортировку и каталогизацию ваших воспоминаний, все сливается в одну картину.

– Не очень-то приятную, – с трудом выдавил Лэнгдон.

– Я понимаю, но до выздоровления все ваши воспоминания какое-то время будут путаными и беспорядочными: прошлое, настоящее и воображаемое – все вперемешку. То же самое происходит во сне.

Лифт остановился, и доктор Брукс рывком открыла раздвижную дверь. Они пошли по темному узкому коридору и миновали окно, за которым в предрассветном сумраке уже начали вырисовываться смутные очертания флорентийских крыш. В конце коридора Сиенна нагнулась и, достав ключ из-под горшка с растением, которое уже давно не поливали, отперла дверь.

Квартира оказалась крошечной, а в воздухе висел запах борьбы ароматизированной ванильной свечи со старым ковролином.

Мебель и картины на стенах были в лучшем случае убогими, будто приобретались на барахолке. Доктор Брукс настроила термостат, и батареи стали нагреваться.

Она секунду постояла, закрыв глаза и глубоко дыша, будто собиралась с силами. Затем повернулась и помогла Лэнгдону добраться до скромной кухоньки с пластиковым столиком и двумя хлипкими стульями.

Лэнгдон шагнул к стулу, намереваясь сесть, но доктор Брукс одной рукой удержала его, а другой открыла шкафчик. В нем лежали только крекеры, несколько пакетиков с макаронами, банка колы и пузырек с таблетками.

Сиенна достала пузырек и вытряхнула Лэнгдону на ладонь шесть таблеток.

– Кофеин, – объяснила она. – На случай ночных смен, как сегодня.

Лэнгдон сунул таблетки в рот и огляделся, ища, чем бы запить.

– Их лучше разжевать, – сказала доктор Брукс. – Тогда они подействуют быстрее и помогут нейтрализовать успокоительное.

Лэнгдон начал жевать и тут же скривился. Таблетки оказались очень горькими и явно предназначались для проглатывания целиком. Доктор Брукс открыла холодильник, достала початую бутылку минералки «Сан-Пеллегрино» и протянула Лэнгдону. Он с благодарностью припал к горлышку.

Дождавшись, когда он напьется, она взяла его правую руку и, размотав импровизированную повязку и положив грязный пиджак на стол, внимательно осмотрела рану. Лэнгдон чувствовал, как дрожат ее пальцы.

– Жить будете, – наконец констатировала она.

Лэнгдон надеялся, что с ней тоже все будет хорошо. У него никак не укладывалось в голове, через что им пришлось пройти.

– Доктор Брукс, – сказал он, – нам надо кому-нибудь позвонить. В консульство... в полицию. Не важно куда.

Она согласно кивнула.

– И еще – перестаньте обращаться ко мне «доктор Брукс». Меня зовут Сиенна.

Лэнгдон кивнул.

– Спасибо. А я – Роберт. – Испытания, через которые они только что прошли, спасая свои жизни, казались вполне резонным основанием, чтобы обращаться друг к другу по имени. – Вы говорили, что вы англичанка?

– По рождению – да.

– Но у вас нет акцента.

– Это хорошо, – ответила она. – Я приложила немало сил, чтобы избавиться от него.

Лэнгдон собирался спросить зачем, но она жестом пригласила его следовать за собой и провела по узкому коридорчику в тесную непрезентабельную ванную. Над раковиной висело зеркало, и Лэнгдон впервые увидел свое отражение, если не считать окна в больничной палате.

Ну и вид! Густые черные волосы всклокочены, взгляд измученный, глаза налились кровью. Подбородок зарос щетиной.

Повернув кран, Сиенна пустила воду и направила больную руку Лэнгдона под струю ледяной воды. От резкой боли он невольно скривился, но руку не отдернул.

Сиенна достала чистую салфетку из махровой ткани и намылила ее антибактериальным мылом.

– Вы можете отвернуться.

– Ничего. Меня не...

Сиенна принялась яростно тереть, и от боли у Лэнгдона перехватило дыхание. Он с силой стиснул зубы, подавляя крик.

– Инфекция вам ни к чему, – пояснила она, действуя еще энергичнее. – К тому же если вы собираетесь связаться с властями, то голова должна быть ясной, а не такой, как сейчас. А боль – самое эффективное средство для выработки адреналина.

Лэнгдон выдерживал эту пытку, как ему показалось, не меньше десяти секунд, после чего с силой отдернул руку. *Довольно!* Он

действительно пришел в себя и не чувствовал никакой сонливости, а боль в руке полностью избавила его от боли в голове.

– Вот и славно, – сказала Сиенна, выключая воду и осторожно вытирая ему руку чистым полотенцем.

Глядя, как она накладывает ему на локоть новую повязку, Лэнгдон вдруг заметил нечто, ужасно его огорчившее. Почти сорок лет он носил подаренные родителями коллекционные часы с изображением Микки-Мауса. Веселая мордашка Микки, распростершего объятия, неизменно вызывала у него улыбку и поднимала настроение.

– Мои... часы, – пробормотал Лэнгдон. – Они пропали! – Без них ему вдруг стало очень неудобно. – Они были на мне, когда я попал в больницу?

Сиенна удивленно на него посмотрела, не понимая, как такая мелочь может его беспокоить.

– Я не помню никаких часов. Постарайтесь привести себя в порядок. Я скоро вернусь, и мы решим, к кому обратиться за помощью. – Она повернулась, чтобы идти, но на пороге остановилась и встретила с ним взглядом в зеркале. – А пока меня нет, советую хорошенько подумать, почему кто-то желает вас убить. Думаю, это первое, о чем спросят власти.

– Пойдите, вы куда?

– Вы не можете разговаривать с полицией полуголым. Попробую достать вам одежду. У моего соседа примерно ваш размер. Он сейчас в отъезде, и я кормлю его кошку. Так что он мой должник. – С этими словами Сиенна вышла.

Роберт Лэнгдон повернулся к маленькому зеркалу над раковиной и едва узнал себя в отражении. *Кто-то желает мне смерти.* В голове у него снова зазвучало услышанное на диктофоне слово, которое он бормотал в бреду.

Визири. Визири.

Он напряг память, пытаясь отыскать в ее глубинах хоть какую-то подсказку... хоть что-нибудь. Но там была одна пустота. Он знал

только то, что находился во Флоренции с пулевым ранением в голову.

Вглядываясь в свои усталые глаза, Лэнгдон вдруг подумал, что все это ему снится и он скоро проснется дома в любимом кресле с пустым бокалом в одной руке и томиком «Мертвых душ» в другой. И поймет наконец, что смешивать Гоголя и джин «Бомбейский сапфир» нельзя ни в коем случае.

Глава 7

Лэнгдон выбросил испачканную кровью больничную сорочку и обмотал вокруг талии полотенце. Ополоснув лицо водой, он осторожно потрогал швы на голове и почувствовал боль. Потом пригладил спутанные волосы, и рана сделалась почти незаметной. Таблетки кофеина начали действовать, и туман в голове наконец стал постепенно рассеиваться.

Думай, Роберт. Вспоминай.

Внезапно маленькая ванная без окон вызвала у него приступ клаустрофобии, и Лэнгдон вышел в коридор, куда пробивался свет из приоткрытой двери комнаты. Комната оказалась импровизированным кабинетом, в котором стоял дешевый стол с потертым вращающимся стулом, на полу были разбросаны книги и, к счастью... имелось *окно*.

Лэнгдон подошел к нему.

Первые лучи тосканского солнца озаряли самые высокие шпили просыпавшегося города – колокольни Джотто, башни Бадиа, дворца Барджелло. Лэнгдон прижался лбом к холодному стеклу. Солнечный свет, уже заливавший склоны гор, казался особенно выразительным на хрустящем от холода мартовском воздухе. Излюбленное освещение живописцев.

Посреди горизонта высился величественный купол, облицованный красной черепицей и увенчанный золоченым медным шаром,

который сверкал на солнце, словно луч маяка. Собор Санта-Мария-дель-Фьоре. Возведением гигантского купола над кафедральным собором города Брунеллески навсегда вписал свое имя в историю архитектуры, и его творение высотой в триста семьдесят пять футов уже пятьсот лет стоит на центральной Соборной площади.

Но что я делаю во Флоренции?

Для Лэнгдона, страстного поклонника итальянского искусства, Флоренция была одним из любимейших мест во всей Европе. На ее улицах в детстве играл Микеланджело, эпоха итальянского Возрождения зародилась в ее художественных мастерских. Миллионы туристов приезжали во Флоренцию, чтобы посетить ее музеи и полюбоваться «Рождением Венеры» Боттичелли, «Благовещением» Леонардо и главной гордостью флорентинцев – статуей Давида.

Лэнгдон был заворожен «Давидом» Микеланджело с самой первой встречи с ним. Тогда, еще подростком, он оказался в Академии изящных искусств... медленно брел вдоль шеренги незаконченных скульптур «Рабов» Микеланджело... и вдруг почувствовал, как взгляд сам собой тянется вверх к великолепной огромной статуе высотой семнадцать футов. Большинство посетителей, видевших скульптуру в первый раз, поражали ее размеры и рельефность мускулатуры Давида, но на Лэнгдона наибольшее впечатление произвела гениальность выбранной позы. Микеланджело использовал классический прием под названием «контрапост», чтобы создать иллюзию, что Давид чуть отклоняется вправо и почти не опирается на левую ногу, в то время как на самом деле на нее давили тонны мрамора.

Именно «Давид» пробудил в Лэнгдоне искреннее восхищение великолепием великих скульптур. Лэнгдон попытался припомнить, не навещал ли он этот шедевр в последние дни, но единственным, что удавалось извлечь из глубин памяти, было пробуждение в больнице и убийство у него на глазах ни в чем не повинного доктора.

От нахлынувшего чувства вины его затошнило. *Что же я сделал?*

Стоя у окна, боковым зрением он заметил на столе ноутбук. Что бы с ним ни произошло прошлой ночью, подумал он, об этом обязательно сообщат в новостях.

Если у меня будет доступ в Интернет, я смогу найти ответы.

Лэнгдон повернулся к дверному проему и громко позвал:

– Сиенна!

В ответ – тишина. Она все еще находилась в соседней квартире и искала одежду.

Не сомневаясь, что Сиенна все поймет правильно, Лэнгдон открыл ноутбук и включил его. На экране появилась стандартная заставка операционной системы «Виндовс». Лэнгдон вышел на итальянскую версию поисковой страницы «Гугл» и набрал «Роберт Лэнгдон».

Видели бы сейчас меня мои студенты, подумал он, подтверждая команду поиска. Лэнгдон постоянно выговаривал своим студентам за то, что они «гуглили» себя в Интернете, – эта новая экстравагантная забава, заразившая американскую молодежь, демонстрировала непонятную одержимость собственной известностью.

На экране высветились результаты поиска – сотни ссылок, относившихся к Лэнгдону, его книгам и лекциям. *Все не то.*

Лэнгдон ограничил поиск, выбрав рубрику новостей. Появилась другая страница: *Результат поиска новостей с «Роберт Лэнгдон».*

Автограф-сессии: Роберт Лэнгдон появится...

Выступление Роберта Лэнгдона на церемонии вручения дипломов...

Роберт Лэнгдон выпустит учебник «Основы символогии» для начинающих...

Список занимал несколько страниц, но не содержал ничего о последних днях – во всяком случае, ничего, что могло хоть как-то прояснить происходящее с ним сейчас. *Что же случилось вчера ночью?* Лэнгдон не сдавался и запросил ссылку на веб-сайт «Флорентайн» – англоязычной газеты, выходящей во Флоренции. Он просмотрел заголовки, раздел срочных новостей и полицейский

блог, пробежал глазами статьи о пожаре в квартире, коррупционном скандале в правительстве и разных мелких правонарушениях.

Неужели ничего?!

Его внимание привлекла заметка о городском чиновнике, который накануне вечером скончался от сердечного приступа на Соборной площади. Имя чиновника пока не разглашалось, но оснований подозревать убийство у полиции не было.

Вконец отчаявшись, Лэнгдон зашел в свой почтовый ящик в Гарварде, надеясь найти там хоть какие-то подсказки. Увы, в нем были самые обычные письма от коллег, студентов и друзей. Мало того, во многих из них говорилось о встрече на предстоящей неделе.

Похоже, все считают, что я дома.

Еще больше недоумевая, Лэнгдон выключил компьютер и опустил крышку. Он уже собирался отойти от стола, как его внимание привлек поляроидный снимок, лежавший на стопке старых медицинских журналов и бумаг. На нем Сиенна Брукс и ее бородатый коллега весело смеялись в вестибюле больницы.

Доктор Маркони, подумал Лэнгдон, с горьким чувством вины разглядывая снимок.

Возвращая фотографию на место, Лэнгдон с удивлением заметил на той же стопке журналов желтую брошюрку, которая оказалась потрепанной программкой лондонского театра «Глобус». Судя по обложке, она была выпущена к спектаклю «Сон в летнюю ночь» Шекспира... поставленному почти двадцать пять лет назад. На обложке было выведено фломастером: «Милая, никогда не забывай, какое ты чудо».

Лэнгдон взял буклет, и из него посыпались газетные вырезки. Он хотел быстро вложить их обратно, открыл буклет и замер от изумления.

На потертой от времени странице было фото девочки, игравшей озорного маленького эльфа Пака. Ей было от силы лет пять, а волосы были собраны в знакомый конский хвост. Подпись под снимком гласила: «Рождение звезды».

Тут же шел восторженный рассказ о театральном чудо-ребенке Сиенне Брукс, обладавшей невероятным интеллектом. За один вечер она выучила наизусть реплики всех персонажей пьесы и на первых репетициях подсказывала текст другим актерам. Среди увлечений пятилетней девочки были скрипка, шахматы, биология и химия. Она родилась в богатой семье из лондонского пригорода Блэкхит и уже успела прославиться в научных кругах: в четыре года обыграла в шахматы гроссмейстера и умела читать на трех языках.

Боже милостивый, подумал Лэнгдон. Сиенна! Теперь кое-что становится понятным.

Лэнгдон вспомнил, что одним из самых известных выпускников Гарварда был вундеркинд по имени Сол Крипке, который в возрасте шести лет самостоятельно выучил иврит, а к двенадцати годам изучил философию Декарта, прочитав все его работы. Другим примером вундеркинда, уже последнего времени, являлся Моше Кай Кавалин, который в одиннадцать лет окончил колледж, не раз становился победителем национальных состязаний по боевым искусствам, а в четырнадцать лет опубликовал книгу под названием «Мы можем».

Лэнгдон взял еще одну газетную вырезку с фотографией Сиенны в возрасте семи лет: **ГЕНИАЛЬНЫЙ РЕБЕНОК С IQ 208.**

А он и не подозревал, что коэффициент интеллекта может быть таким высоким. В статье говорилось, что Сиенна Брукс виртуозно играла на скрипке, могла за месяц выучить незнакомый язык и самостоятельно изучала анатомию и физиологию.

Он взял другую вырезку – на этот раз из медицинского журнала: **БУДУЩЕЕ МЫСЛИ: НЕ ВСЕ УМЫ СОЗДАНЫ РАВНЫМИ.**

На фотографии к этой статье Сиенне, снятой возле массивного медицинского аппарата и такой же светловолосый, было лет десять. В статье содержалось интервью с врачом, который объяснял, что на снимке мозжечка девочки, полученном методом позитронно-эмиссионной томографии, видно, что он значительно крупнее, чем у обычных людей, и позволяет обрабатывать визуально-

пространственную информацию способами, которые другим не доступны в принципе. По словам доктора, своими удивительными способностями Сиенна была обязана ускоренному росту клеток мозга, только «полезных», а не злокачественных, как в случае рака.

На глаза Лэнгдону попала вырезка из газеты какого-то захолустного городка.

Проклятие гениальности.

На этот раз фотографии не было, но в статье рассказывалось о юном гении Сиенне Брукс, которая пыталась посещать обычные школы, но становилась в них изгоем, потому что не была похожа на сверстников. В статье говорилось об изоляции, в которой оказывались юные таланты, чьи навыки социальной адаптации не поспевали за развитием интеллекта, и общество нередко их отвергало.

Если верить статье, Сиенна в восемь лет убежала из дома и была достаточно умна, чтобы скрываться целых десять дней и жить без помощи взрослых. Ее нашли в первом классе отеля, где она выдавала себя за дочь постояльца, украла ключ от номера и заказывала в номер еду за чужой счет. Судя по всему, именно там она за неделю проштудировала все 1600 страниц «Анатомии» Грея. На вопрос полицейских, зачем она читает книги по медицине, она ответила, что хочет понять, что с ее мозгом не так.

От жалости к маленькой девочке у Лэнгдона защемило сердце. Он не мог вообразить, какое одиночество она ощущала из-за своей столь разительной непохожести на других. Сложив вырезки в буклет, он бросил прощальный взгляд на снимок пятилетней Сиенны в роли Пака. Учítывая, какие злоключения им пришлось пережить утром, Лэнгдон не мог не признать, что роль шкодливого лесного духа Пака подходит Сиенне как нельзя лучше. Жаль только, что он не мог проснуться, как персонажи пьесы, и сделать вид, что все пережитое было сном.

Лэнгдон аккуратно поместил вырезки на прежнее место, закрыл буклет, и при виде надписи на обложке – *милая, никогда не забывай,*

какое ты чудо, – у него снова защемило сердце.

Его взгляд задержался на знакомом символе, украшавшем обложку буклета. Эта древнегреческая пиктограмма, столь часто встречающаяся на театральных афишах по всему миру, существует уже двадцать пять веков и заслуженно является эмблемой драматического театра.

Le maschere^[4].

Лэнгдон разглядывал привычные изображения Комедии и Трагедии, и внезапно в голове у него загудело, как будто кто-то дернул за туго натянутую струну. Череп буквально раскололся от резкой боли, и маски на буклете поплыли перед глазами. Охнув, Лэнгдон опустился на стул и, крепко зажмурив глаза, сдвинул ладонями виски.

Из наступившей темноты снова выплыли непонятные видения... резкие и яркие.

К нему вновь взывала женщина с амулетом и серебристыми волосами, стоявшая на другом берегу кроваво-красной реки. Ее крик перекрывал мольбы людей, корчившихся в предсмертной агонии повсюду, куда простирался взгляд. Лэнгдон снова увидел торчащие ноги, украшенные буквой «R», зарытого вниз головой несчастного, который исступленно ими дрыгал в диком отчаянии.

Ищите и обрящите! – молила женщина Лэнгдона. *Время уже на исходе!*

Лэнгдон вновь почувствовал непреодолимое желание помочь ей... помочь всем. Охваченный волнением, он крикнул ей через реку: *Кто вы?*

Женщина опять подняла вуаль, открывая Лэнгдону свое поразительной красоты лицо, которое уже показывала раньше.

Я – жизнь, ответила она.

И вдруг небо над ней потемнело, и на нем появилась жуткая, чудовищных размеров маска с длинным клювом и горящими зелеными глазами, равнодушно взиравшими на Лэнгдона.

А я... стану смертью, прогремел ее голос.

Глава 8

Судорожно вздохнув, Лэнгдон разомкнул веки. Он по-прежнему сидел за столом, сжимая виски и чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Что, черт возьми, со мной происходит?

Перед его глазами продолжали стоять образы женщины с серебристыми волосами и маски с клювом. *Я – жизнь. Я – смерть.* Он попытался прогнать видение, но оно, казалось, запечатлелось в мозгу навечно. С буклета на него продолжали безмолвно взирать две маски.

Какое-то время ваши воспоминания будут путаными и беспорядочными, предупреждала Сиенна. Прошлое, настоящее и воображаемое – все вперемешку.

У Лэнгдона кружилась голова.

Где-то в квартире звонил телефон. Звонок был старомодный и пронзительный и доносился с кухни.

– Сиенна! – позвал Лэнгдон, поднимаясь.

Ответа не последовало. Она еще не вернулась. После двух звонков включился автоответчик.

– Ciao, sono io, – приветливо поздоровался голос Сиенны. – *Lasciatemi un messaggio e vi richiamerò*^[5].

После звукового сигнала послышался взволнованный голос женщины, говорившей с сильным восточноевропейским акцентом. Ее сбивчивая речь отзывалась эхом в коридоре.

– Сиенна, это Даникова! Ты где?! Тут ужас! Твой друг доктор Маркони мертв! Больница – сумасшедший дом! Кругом полиция! Люди рассказывают, ты сбежать, чтобы спасти пациента?! Зачем?! Он тебе никто! Теперь полиция ищет тебя! Они взять твою анкету! Я знаю, там все неправда – чужой адрес, нет телефона, фальшивая

рабочая виза, сегодня тебя не найти, но потом найти все равно! Я звоню предупредить. Мне так жаль, Сиенна! – Трубку повесили.

Лэнгдона снова охватило чувство вины. Из сообщения он понял, что доктор Маркони разрешал Сиенне работать в больнице. Появление в ней Лэнгдона стоило Маркони жизни, и благородный порыв Сиенны, спасшей незнакомца, обернулся для нее серьезными неприятностями.

В этот момент дверь в квартиру громко хлопнула.

Она вернулась.

Через мгновение послышалась запись оставленного сообщения. «Сиенна, это Даникова! Ты где?!»

Лэнгдон поморщился, зная, что Сиенне предстояло услышать. Пока она прослушивала сообщение, он быстро вернул буклет на место и, убедившись, что на столе все выглядит по-прежнему, проскользнул обратно в ванную, чувствуя неловкость за свое бесцеремонное вторжение в прошлое Сиенны.

Через десять секунд в ванную осторожно постучали.

– Я оставлю одежду на дверной ручке, – сказала Сиенна. В ее голосе слышалось волнение.

– Огромное спасибо, – отозвался Лэнгдон.

– Я буду ждать на кухне, – добавила она. – Прежде чем мы позвоним, я хочу показать вам нечто очень важное.

Сиенна устало направилась по коридору в маленькую спальню, достала из комода пару синих джинсов и свитер и отнесла в свою ванную.

Глядя на себя в зеркало, она подняла руку и, ухватившись за конский хвост из светлых волос, стащила с головы парик.

Из зеркала на нее смотрела совершенно лысая тридцатидвухлетняя женщина.

На долю Сиенны выпало немало тяжелых испытаний, и хотя она научилась их преодолевать с помощью своего незаурядного интеллекта, последние события выбили ее из колеи.

Отложив парик в сторону, она умылась. Затем вытерлась и, переодевшись, вновь водрузила парик на голову и убедилась, что он сидит ровно. Обычно она не давала воли жалости к себе, но после сегодняшних потрясений сдерживать слезы оказалось выше ее сил.

Она плакала потому, что не могла управлять своей жизнью.

Она плакала потому, что у нее на глазах погиб ее наставник.

Она плакала потому, что ее сердце переполняло бесконечное одиночество.

Но более всего она оплакивала свое будущее... которое вдруг стало таким смутным.

Глава 9

Координатор Лоренс Ноултон сидел в своем наглухо закрытом стеклянном отсеке в недрах роскошной яхты, озадаченно уставившись в монитор, на котором только что просмотрел ролик, оставленный их клиентом.

И это я должен отправить в СМИ завтра утром?

За десять лет работы в Консорциуме Ноултону не раз доводилось выполнять откровенно сомнительные, если не сказать противозаконные задания. Действия в зоне серой морали были обычной практикой Консорциума – организации, чьей единственной непререкаемой заповедью являлось выполнение данного клиенту обещания – во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило.

Мы доводим дело до конца и не задаем никаких вопросов, что бы ни случилось.

Однако отправка этого девятиминутного ролика в интернет-СМИ внушала Ноултону беспокойство. При всей эксцентричности поручений, которые ему доводилось выполнять в прошлом, он всегда понимал их смысл и логику... осознавал преследуемую цель.

Но этот ролик сбивал его с толку. С ним что-то было не так.

Совсем не так.

Ноултон решил прокрутить его еще раз, надеясь, что после второго просмотра вопросов станет меньше. Чуть прибавив звук, он устроился поудобнее и кликнул на кнопку воспроизведения.

Послышался мягкий плеск воды, и на экране появилась жутковатая, заполненная водой пещера, залитая зловещим красным сиянием. Камера снова погрузилась в светящуюся воду и остановилась у таблички на покрытом илом дне. Ноултон еще раз прочитал выгравированную на ней надпись:

СЕГОДНЯ В ЭТОМ МЕСТЕ
МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА

То, что под этими словами стояло имя их клиента, уже внушало Ноултону тревогу. А завтрашняя дата усиливала ее еще больше. Однако главной причиной беспокойства, лишившего Ноултона душевного равновесия, было нечто совсем иное.

Камера повернулась влево, и на экране показался удивительный предмет, паривший в толще воды рядом с табличкой. Он представлял собой контейнер округлой формы, похожий на большой мыльный пузырь, а его оболочка из тонкого мягкого пластика то и дело меняла очертания под воздействием подводных потоков. Покачиваясь на коротком тросе, удерживавшем контейнер на месте, емкость напоминала воздушный шар... только внутри был не гелий, а какая-то студенистая желтовато-коричневая жидкость. Раздувавшаяся под ее давлением аморфная емкость была около фута в диаметре, за прозрачными стенками клубилось мутное облако, совсем как эпицентр зарождающегося циклона.

Боже, подумал Ноултон, чувствуя, что покрывается испариной: при втором просмотре висящий в воде контейнер пугал даже больше, чем в первый раз.

Изображение медленно исчезло, и на его месте показалась влажная стена пещеры, на которой играли отблески водной ряби. На стене появилась тень... ее отбрасывал человек... стоявший в пещере.

Но голова у него не была человеческой... Вместо носа торчал длинный клюв... как будто человек был наполовину птицей.

Он заговорил приглушенным голосом, выразительно и размеренно, словно актер, читавший слова автора в классической драме.

Ноултон замер и, затаив дыхание, ловил каждое слово таинственной фигуры.

Я – Призрак.

Если вы меня видите, значит, душа моя наконец-то обрела покой.

Загнанный под землю, я вынужден обращаться к миру из ее глубин, из мрачной пещеры с кроваво-красными водами, которые вовек не отражают звезд.

Но здесь мой рай... идеальное чрево для моего хрупкого плода.

Инферно.

Вы скоро узнаете, что я оставил.

И все же, даже здесь до меня доносится поступь моих невежественных преследователей. Они готовы на все, лишь бы остановить меня.

Вы можете сказать: прости их, ибо не ведают они, что творят. Но наступает момент, когда невежество становится непростительным... а искупает грехи и дарует прощение лишь здравый смысл.

От чистого сердца и с благими помыслами я оставляю вам дар Надежды, спасения, будущего.

Но есть люди, которые травят меня, будто дикого зверя. Ими движет лицемерная убежденность в моей безумии. А седовласая женщина с красивым лицом даже осмеливается называть меня чудовищем! Подобно темным церковникам, осудившим на смерть Коперника, она считает меня исчадием ада, не в силах смириться с тем, что я узрел Истину.

Но я не пророк.

Я – ваше спасение.

Я – Призрак.

Глава 10

– Присядьте, – сказала Сиенна. – У меня есть несколько вопросов.

Дойдя до кухни, Лэнгдон понял, что теперь стоит на ногах гораздо увереннее. Костюм от Бриони, позаимствованный у соседа, оказался ему удивительно впору. Подошли даже туфли, в которых было так удобно, что Лэнгдон решил по возвращении домой перейти на итальянскую обувь.

Если, конечно, мне суждено вернуться, подумал он.

Сиенна тоже преобразилась: обтягивающие джинсы и кремовый свитер подчеркивали стройность ее фигуры и природную красоту. Волосы по-прежнему были убраны в конский хвост, а без медицинской униформы, невольно внушавшей почтительное уважение, она уже не казалась такой уверенной в себе. Лэнгдон заметил, что глаза у нее покраснели, будто она плакала, и у него снова защемило сердце от жгучего чувства вины.

– Сиенна, мне ужасно жаль. Я слышал телефонное сообщение. Даже не знаю, что сказать.

– Спасибо, – ответила она. – Но сейчас мы должны сосредоточиться на вас. Пожалуйста, сядьте.

Ее ставший решительным тон невольно заставил Лэнгдона вспомнить газетные вырезки, в которых рассказывалось о ее незаурядном интеллекте и раннем развитии.

– Я прошу вас подумать, – сказала Сиенна, указывая ему на стул. – Вы помните, как мы попали в эту квартиру?

Лэнгдон не очень понимал, какое это имело значение.

– На такси, – ответил он, усаживаясь. – В нас стреляли.

– Профессор, стреляли в вас. Это – для ясности.

– Да. Мне жаль.

– А помните, сколько было выстрелов, когда вы оказались в машине?

Станный вопрос.

– Да, два. Одна пуля угодила в боковое зеркало, а вторая разбила заднее стекло.

– Отлично! А теперь закройте глаза.

Догадавшись, что она проверяет его память, Лэнгдон закрыл глаза.

– Во что я одета?

Это он помнил в малейших деталях.

– Черные туфли без каблуков, синие джинсы и кремовый свитер с вырезом. Светлые волосы до плеч, зачесаны назад. Глаза карие. – Открыв глаза, Лэнгдон с удовольствием убедился, что его зрительная память в полном порядке.

– Отлично. Визуально-когнитивное восприятие в норме, что подтверждает ретроградный характер амнезии и отсутствие серьезных проблем с механизмами создания воспоминаний. Удалось вспомнить что-нибудь новое о событиях последних дней?

– К сожалению нет. Но пока вы отсутствовали, у меня снова было видение.

Лэнгдон рассказал о повторении галлюцинации с женщиной с вуалью, окруженной бесчисленными мертвецами, и торчащими из земли ногами с буквой «R». А потом в небе появилась странная маска с большим клювом.

– «Я стану смертью»? – переспросила Сиенна, явно встревожившись.

– Да, так она сказала.

– Понятно... Похоже на цитату «Я стану смертью, разрушителем миров».

Молодая женщина процитировала слова Роберта Оппенгеймера, сказанные им после испытания первой атомной бомбы.

– А эта маска с клювом... и зелеными глазами? – озадаченно произнесла Сиенна. – Есть идеи, что могло навеять такой образ?

– Понятия не имею, но в Средние века такие маски встречались довольно часто. – Помолчав, Лэнгдон добавил: – Их называли «чумными масками».

Встревожившись еще больше, Сиенна переспросила:

– Чумными масками?

Лэнгдон вкратце объяснил, что в мире символов необычная маска с длинным клювом зачастую служила обозначением «черной смерти» – смертельной эпидемии бубонной чумы, от которой в четырнадцатом веке в отдельных регионах Европы погибло до трети населения. Считается, что «черная смерть» называлась черной, потому что кожа жертв темнела от гангрены и подкожных кровоизлияний, но на самом деле это отражало панический ужас, который вызывала пандемия.

– Такие маски с длинным клювом, – пояснил Лэнгдон, – надевали средневековые врачеватели, лечившие зараженных чумой, чтобы держаться от больных на определенном расстоянии. Сейчас же такие маски можно встретить разве что на карнавале в Венеции – довольно жутковатое напоминание о том мрачном периоде в истории Италии.

– И вы уверены, что в своих видениях видели именно такую маску? – спросила Сиенна дрогнувшим голосом. – Маску средневекового врачевателя чумы?

Лэнгдон кивнул. *Маску с клювом трудно с чем-то перепутать.*

Сиенна сдвинула брови, и Лэнгдон понял, что она подыскивает слова, чтобы сообщить ему неприятную новость.

– И женщина говорила: «Ищите и обрящете»?

– Да, как и раньше. Проблема в том, что я понятия не имею, что должен искать.

Медленно выдохнув, Сиенна устремила на него серьезный взгляд.

– Мне кажется, я знаю. Мало того... Я думаю, что вы, возможно, уже нашли это.

Лэнгдон изумленно на нее уставился.

– Вы о чем?!

– Роберт, вчера вечером, когда вы появились в больнице, у вас в кармане пиджака был необычный предмет. Вы помните, что это было?

Лэнгдон покачал головой.

– Этот предмет... он весьма необычный. Я наткнулась на него случайно, когда мы вас переодевали. – Она жестом показала на запачканный кровью твидовый пиджак, лежавший на столе. – Он и сейчас в кармане. Если хотите, можете на него взглянуть.

Лэнгдон растерянно перевел взгляд на пиджак. *По крайней мере, теперь понятно, зачем она за ним возвращалась.* Он схватил свой грязный пиджак и обыскал все карманы – пусто. Проверив еще раз, пожал плечами и повернулся к ней.

– Здесь ничего нет.

– А как насчет потайного кармана?

– Что? На моем пиджаке нет никаких потайных карманов.

– Нет? – удивилась она. – Так это... не ваш пиджак?

Голова у Лэнгдона опять пошла кругом.

– Пиджак мой.

– Вы уверены?

Еще бы, подумал он. Этот пиджак был моим любимым.

Он показал пришитый к подкладке ярлык со своим любимым фирменным знаком настоящего шотландского твида. Это был знаменитый шар, который венчал мальтийский крест и украшали тринадцать похожих на пуговицы драгоценных камней.

Вот так шотландцы ссылались на христианское воинство на куске саржи.

– Видите? – Лэнгдон показал на инициалы «Р.Л.», вышитые на ярлыке вручную. Он никогда не жалел денег на твидовые пиджаки ручной работы и отдельно платил за то, чтобы его инициалы вышивали на ярлыке. В аудиториях и столовых университетского городка сотни твидовых пиджаков постоянно снимались и надевались, и у Лэнгдона не было ни малейшего желания оказаться жертвой чьей-то непреднамеренной ошибки.

– Я вам верю, – сказала она, забирая у него пиджак. – А теперь смотрите. – Сиенна вывернула пиджак и показала на участок под воротником. Там в подкладку был аккуратно вшит большой потайной карман.

Что за черт?!

Лэнгдон был уверен, что видит его впервые.

Безупречные потайные швы делали карман практически незаметным.

– Раньше его здесь не было! – стоял на своем Лэнгдон.

– Тогда, наверное, вы не видели... *и этого?* – Сиенна вытащила из потайного кармана гладкий металлический предмет и осторожно передала его Лэнгдону. – Вы знаете, что это?

– Нет... – запинаясь, ответил он, разглядывая предмет в полном изумлении. – Никогда не видел ничего подобного.

– А я, к сожалению, знаю. И не сомневаюсь, что именно из-за него вас и пытаются убить.

Меряя шагами свой кабинет на борту «Мендация» координатор Ноултон с нарастающей тревогой размышлял о ролике, который должен был обнародовать на следующее утро.

Я – Призрак?

До него доходили слухи, что в последние месяцы их клиент страдал психическим расстройством, и ролик не оставлял никаких сомнений в их достоверности.

Ноултон понимал, что у него есть два варианта действий. Он мог либо подготовить видео для завтрашней рассылки, как и было обещано, либо показать его Ректору и узнать его мнение.

Я уже знаю, что он скажет, подумал Ноултон. Еще ни разу Ректор не отказывался от выполнения обещания, данного клиенту. *Он прикажет отправить это видео, как было обещано, и не задавать лишних вопросов... и придет в ярость из-за того, что их задаю я.*

Ноултон снова вернулся к компьютеру, нашел в записи место, которое вызывало у него особое беспокойство, и кликнул на воспроизведение. На экране снова появилась пещера и слышался плеск воды. На фоне влажной стены стоял похожий на тень высокий мужчина с длинным птичьим клювом.

Он заговорил глухим голосом:

Мы переживаем новое Средневековье.

Несколько веков назад Европа страдала от ужасающей нищеты – люди жили в тесноте, голодали, погрязли в грехе и отчаянии. Они были похожи на запущенный лес, задушенный сухостоем, который ждет божественного удара молнией. Огонь, воспламенившийся от этой искры, пронесется по всей земле и очистит ее от сухих стволов, загораживающих живительный солнечный свет, так нужный здоровым побегам.

Отбраковка – это естественная процедура, установленная Всевышним.

Спросите себя: что наступило после «черной смерти»?

Ответ известен.

Ренессанс.

Эпоха Возрождения.

Так было всегда. За смертью следует рождение.

Чтобы попасть в рай, человек должен пройти через ад.

Этому нас учит Творец.

И седая невежда еще осмеливается называть меня монстром? Неужели она так и не поняла математики будущего? Всех ужасов, которые в нем уготованы?

Я – Призрак.

Я – ваше спасение.

И вот я стою в глубокой пещере и смотрю на воды, в которых никогда не отражаются звезды. Здесь, в водах этого подземного чертога, набирает силу Инферно.

И скоро его пламя яростно вспыхнет.

И ничто на земле уже не сможет его остановить.

Глава 11

Предмет в руках Лэнгдона оказался на удивление тяжелым для своих размеров. Тонкий и гладкий блестящий металлический цилиндр длиной около шести дюймов, закругленный с обоих концов был похож на миниатюрную торпеду.

– Прежде чем что-нибудь с этим делать, – сказала Сиенна, – советую посмотреть на другую сторону. – Она натянуто улыбнулась. – Вы же разбираетесь в символах?

Лэнгдон принялся медленно поворачивать цилиндр, внимательно разглядывая его поверхность, и вдруг замер, заметив ярко-красный символ.

Разбираясь в иконографии, Лэнгдон хорошо знал, что список символов, способных вызвать у человека мгновенный страх, весьма ограничен... но увиденный на цилиндре значок безусловно в него входил. Его реакция была инстинктивной и молниеносной – он положил цилиндр на стол и откинулся на спинку стула.

Сиенна понимающе кивнула:

– Я тоже так отреагировала.

На цилиндре был изображен простой символ из трех элементов.

Лэнгдон когда-то читал, что этот зловещий знак был разработан в 1960-х годах химической компанией «Доу кемикал» и заменил огромное количество предупреждающих символов, которые использовались прежде. Как и все успешные знаки, он был простым, запоминающимся и легко воспроизводимым. Эта эмблема «биологической опасности» получила распространение во всем мире еще и потому, что вызывала у самых разных народов ассоциации со многими не очень приятными вещами, начиная от клешней краба и заканчивая метательными ножами ниндзя.

– Эта маленькая канистра является биокапсулой, – объяснила Сиенна. – Их используют для перевозки опасных веществ. Иногда применяют и в медицине. Пробирка с образцом вставляется в пенопластовый футляр, чтобы защитить от возможного повреждения во время транспортировки. В нашем же случае... – Она показала на

символ биологической опасности: – Думаю, что тут, наверное, какой-то смертельно ядовитый химикат... или вирус. – Помолчав, она добавила: – Первые образцы вируса Эбола были доставлены из Африки в такой же капсуле.

Но Лэнгдона интересовало вовсе не это.

– Но как, черт возьми, она оказалась в моем пиджаке?! Я же преподаю историю искусств, откуда ей у меня взяться?

Перед глазами у него промелькнула жестокая картина – корчащиеся в смертельной агонии тела... и парящая над ними чумная маска.

Визири... Визири.

– Откуда бы она ни взялась, – сказала Сиенна, – но это продукт очень высоких технологий. Освинцованный титан. Защищает даже от радиации. Полагаю, что тут не обошлось без каких-нибудь секретных разработок по заказу правительства. – Она указала на темный прямоугольник размером с почтовую марку возле знака биологической опасности. – Это распознаватель отпечатка пальца. Защита на случай потери или кражи. Такую капсулу может открыть только конкретный человек.

Хотя способность Лэнгдона соображать уже полностью восстановилась, происходящее было выше его понимания. *Я носил биометрически запечатанный контейнер.*

– Обнаружив эту капсулу в вашем пиджаке, я хотела потихоньку показать ее доктору Маркони, но не успела, потому что вы очнулись. Я даже подумала, не приложить ли ваш палец к капсуле, пока вы были без сознания, но побоялась, не зная, что в ней содержится...

– Мой палец?! – Лэнгдон покачал головой. – Не может быть, чтобы эта штука была запрограммирована на меня. Я ничего не соображаю в биохимии и не могу иметь с ней ничего общего.

– Вы уверены?

Сомнений у Лэнгдона не было. Он протянул руку и приложил большой палец к распознавателю. Ничего не произошло.

– Видите?! Я же говорил...

Титановый цилиндрик громко щелкнул, и Лэнгдон отдернул руку, как после удара током. *Проклятье!* Он уставился на капсулу, будто ждал, что она развинтится сама по себе и начнет испускать смертельный газ. Но через три секунды раздался новый щелчок – видимо, капсула снова заблокировалась.

Потрясенный, Лэнгдон повернулся к Сиенне.

Та устало вздохнула.

– Что ж, теперь очевидно, что именно вас избрали курьером.

Лэнгдону все происходящее представлялось полным абсурдом.

– Но это невозможно. Как бы я пронес такую железяку через рамочный детектор в аэропорту?

– А может, вы прилетели на частном самолете? Или получили контейнер уже здесь, в Италии?

– Сиенна, я должен позвонить в консульство. Немедленно.

– А может, сначала посмотрим, что в ней?

В своей жизни Лэнгдону не раз приходилось совершать необдуманные поступки, но открывать контейнер с опасным содержимым на кухне у этой женщины он точно не будет.

– Я передам ее властям. Немедленно.

Сиенна закусил губу, прикидывая варианты.

– Хорошо, но после звонка вы уже будете сами по себе. Я выхожу из игры. И встреча точно не может состояться здесь. Моя итальянская виза... в общем, есть сложности.

Лэнгдон посмотрел Сиенне в глаза.

– Сиенна, я знаю только то, что вы спасли мне жизнь. Я сделаю так, как вы скажете.

Она благодарно кивнула, подошла к окну и посмотрела на улицу.

– Ладно, вот как мы поступим.

Сиенна быстро изложила свой план. Простой, умный и безопасный.

Включив блокиратор распознавания номера, она быстро набрала на мобильнике справочную. Ее тонкие пальцы уверенно скользили по кнопкам.

– Informazioni abbonati? Per favore, può darmi il numero del Consolato americano di Firenze?^[6] – спросила Сиенна на безупречном итальянском. Немного подождав, она записала номер. – Grazie mille, – поблагодарила она и повесила трубку. Потом передала Лэнгдону бумажку с номером и мобильный телефон.

– Звоните. Вы помните, что сказать?

– У меня с памятью все в порядке, – заверил он с улыбкой, набирая номер.

Послышались гудки входящего вызова.

Трубку никто не брал.

Нажав кнопку громкой связи, Лэнгдон положил телефон на стол, чтобы Сиенна могла все слышать. Наконец включился автоответчик, сообщавший информацию о предлагаемых консульством услугах и режиме работы.

Лэнгдон посмотрел на часы на телефоне. Шесть утра. Консульство открывалось в половине девятого.

– В экстренных случаях наберите две семерки для связи с дежурным сотрудником, – сообщил автоответчик.

Лэнгдон тут же последовал совету.

– Consolato americano. Sono il funzionario di turno^[7], – слышался усталый голос.

– Lei parla inglese?^[8] – спросил Лэнгдон.

– Разумеется, – ответил дежурный с американским акцентом. Похоже, он был не слишком обрадован, что его разбудили. – Чем могу помочь?

– Я американец, нахожусь во Флоренции, и на меня совершенно нападение. Меня зовут Роберт Лэнгдон.

– Номер паспорта, пожалуйста, – зевая, попросил дежурный.

– Мой паспорт пропал. Думаю, что его украли. В меня стреляли и ранили в голову. Мне нужна помощь.

Сотрудник моментально проснулся.

– Сэр! Вы говорите, что в вас *стреляли*? Повторите, пожалуйста, свое имя.

– Роберт Лэнгдон.

На линии послышался шорох, и Лэнгдон уловил стук клавиш. Раздался звуковой сигнал. Пауза. Затем снова стук клавиш. Еще один звуковой сигнал. А затем сразу три, причем громких.

Снова пауза, уже продолжительная.

– Сэр? – наконец произнес дежурный. – Вас зовут Роберт Лэнгдон?

– Именно так. И у меня проблемы.

– Сэр, ваше имя помечено особым флажком, это значит, что я должен немедленно соединить вас с главным администратором консула. – Дежурный помолчал, видимо, сам в шоке от причастности к столь удивительным событиям. – Пожалуйста, не вешайте трубку.

– Подождите! Вы можете сказать...

Но в трубке уже раздавались звонки вызова.

На четвертый звонок трубку сняли.

– Коллинз слушает, – ответил хриплый голос.

Глубоко вздохнув, Лэнгдон постарался говорить спокойно и изложить все предельно ясно.

– Мистер Коллинз, меня зовут Роберт Лэнгдон. Я – американец и нахожусь во Флоренции. В меня стреляли. Мне нужна помощь. Я хочу немедленно приехать в консульство США. Вы можете мне помочь?

Низкий голос ответил без колебаний:

– Слава богу, что вы живы, мистер Лэнгдон. Мы искали вас.

Глава 12

В консульстве знают, что я здесь?

Лэнгдон почувствовал огромное облегчение. Мистер Коллинз, представившийся главным администратором консула, говорил уверенным тоном профессионала, но в его голосе звучала настойчивость.

– Мистер Лэнгдон, нам нужно немедленно поговорить. И, понятно, не по телефону.

В данный момент Лэнгдону ничего не было понятно, но спорить он не стал.

– Я немедленно пришлю за вами, – продолжал Коллинз. – Где вы находитесь?

Сиенна нервно переминалась с ноги на ногу, слушая разговор по громкой связи. Лэнгдон успокаивающе ей кивнул, показывая, что будет точно следовать ее плану.

– Я в маленькой гостинице «Пенсione ла Фиорентина», – ответил он и посмотрел на желтовато-серое здание отеля на другой стороне улицы, которое предложила Сиенна. Затем назвал Коллинзу улицу.

– Все понял, – ответил тот. – Никуда не уходите. Оставайтесь в номере. За вами сейчас приедут. Какой у вас номер?

– Тридцать девятый, – ответил Лэнгдон наобум.

– Отлично. Через двадцать минут. – Коллинз понизил голос. – И еще, мистер Лэнгдон, я понимаю, что вы ранены и наверняка сбиты с толку, но я должен знать... это по-прежнему при вас?

Это. При всей неопределенности формулировки у Лэнгдона не было сомнений, о чем его спрашивали. Он перевел взгляд на биокапсулу, лежавшую на кухонном столе.

– Да сэр. По-прежнему при мне.

Было слышно, как Коллинз с облегчением выдохнул.

– Когда вы пропали, мы подумали... честно говоря, мы решили, что произошло непоправимое. Я рад, что это не так. Оставайтесь на месте. Никуда не выходите. Через двадцать минут в вашу дверь постучат. – Коллинз повесил трубку.

Лэнгдон впервые, с тех пор как очнулся в больнице, по-настоящему расслабился. *В консульстве знают, что происходит, и скоро у меня будут ответы на все вопросы.* Он закрыл глаза и медленно выдохнул, чувствуя себя почти в норме. Голова уже не раскалывалась от боли.

– Прямо как в шпионском боевике, – произнесла Сиенна с улыбкой. – Вы, случайно, не тайный агент?

Теперь Лэнгдон и сам не знал, что думать. Он не мог понять, как два дня жизни полностью стерлись из его памяти, а сам он попал в Италию, но факт оставался фактом... и через двадцать минут в захудалый отель напротив за ним приедет сотрудник американского консульства.

Что происходит?

Лэнгдон взглянул на Сиенну, понимая, что скоро им предстоит расстаться, и ощущая какую-то недоговоренность. Он вспомнил, как в больнице у нее на глазах убили бородатого доктора.

– Сиенна, – прошептал он, – ваш друг... доктор Маркони... я чувствую себя ужасно.

Она рассеянно кивнула.

– Мне так жаль, что я втянул вас во все это. Я знаю про ваше положение в больнице, и если начнется расследование... – Он не стал заканчивать фразу.

– Все в порядке, – ответила она. – Мне не привыкать к переездам.

По ее отрешенному взгляду было видно, что сегодняшнее утро полностью изменило уже налаженную ею жизнь. Хотя и его собственное положение оставляло желать лучшего, сердце у него защемило от жалости к этой женщине.

Она спасла мою жизнь... а я разрушил ее.

Они молча сидели, ощущая повисшее в воздухе напряжение, словно им обоим хотелось говорить, но сказать было нечего. В конце концов, они оказались просто попутчиками на этом странном отрезке жизни, а теперь их пути расходились, и каждому было суждено дальше пойти своей дорогой.

– Сиенна, – наконец прервал молчание Лэнгдон, – я сейчас разберусь с консульством, и если могу хоть чем-то помочь... пожалуйста, дайте мне знать.

– Спасибо, – прошептала она, с грустью глядя в окно.

Бежали минуты, Сиенна Брукс рассеянно смотрела на улицу и пыталась представить, как сложится дальше этот день. В том, что к вечеру ее мир будет выглядеть иначе, она не сомневалась.

Профессор ей нравился, хотя она допускала, что это связано с действием адреналина. У него отзывчивое и доброе сердце, да и внешне он весьма привлекательный. В какой-нибудь совсем другой жизни они могли бы даже оказаться вместе.

Хотя зачем я ему такая, подумала она. Ненормальная.

подавив всплеск эмоций, Сиенна вдруг заметила за окном какое-то движение и, прильнув лицом к стеклу, замерла от неожиданности.

– Роберт! Посмотрите!

Лэнгдон выглянул в окно и увидел остановившийся перед входом в «Пенсione ла Фиорентина» сверкающий черный мотоцикл «БМВ». С него ловко соскочил спортивного вида человек в черном кожаном костюме и шлеме. Изящным движением он снял блестящий черный шлем, и Сиенна боковым зрением заметила, что Лэнгдон невольно отпрянул назад.

Эти склеенные в шипы волосы они уже видели.

Вытащив пистолет, убийца проверила глушитель и снова убрала оружие в карман куртки. После чего, двигаясь со смертельной грацией, скользнула в отель.

– Роберт, – прошептала Сиенна сдавленным от страха голосом. – Правительство США послало за вами убийцу.

Глава 13

Замерев у окна и не сводя взгляда с гостиницы на другой стороне улицы, Роберт Лэнгдон старался подавить приступ охватившей его паники. Женщина с прической из шипов исчезла за дверью, а Лэнгдон лихорадочно пытался сообразить, откуда она могла узнать адрес. Выброс адреналина опять не давал ему мыслить ясно.

– Меня пытается убить мое же правительство?

Сиенна была поражена не меньше его.

– Роберт, это означает, что и первое покушение на вашу жизнь было санкционировано правительством. – Она подошла к двери и убедилась, что та заперта. – Если консульство получило команду вас устранить... – Она не закончила фразу, но это и не требовалось. Оба отлично понимали, какие выводы из этого следовали.

Да что, черт возьми, происходит? Почему на меня охотится мое же правительство?!

В голове Лэнгдона снова зазвучало слово, которое он произносил в бреду, когда попал в больницу.

Визири... визири.

– Оставаться здесь вам опасно, – сказала Сиенна и тут же поправилась: – *Нам* опасно. – Она показала на улицу. – Эта женщина видела, как мы вместе бежали из больницы, и не сомневаюсь, что меня уже разыскивают и ваше правительство, и местная полиция. Эта квартира снята на чужое имя, но со временем на меня обязательно выйдут. – Она показала на биокапсулу на столе. – Вы должны открыть ее. Прямо сейчас!

Лэнгдон смотрел на титановый цилиндр, но видел только знак биологической опасности.

– То, что находится внутри, – продолжила Сиенна, – должно иметь какой-нибудь идентификационный код, наклейку с логотипом конторы, телефон, *хоть что-то*. Вам нужна информация. Мне нужна информация! Ваше правительство убило моего друга!

Боль, звучавшая в голосе Сиенны, заставила Лэнгдона встряхнуться, и он согласно кивнул, понимая, что она права.

– Да... мне очень жаль. – Он поморщился, сообразив, насколько неуместны слова соболезнования в данный момент. Потом повернулся к контейнеру, гадая, какие в нем могут храниться ответы. – Это может быть очень опасно.

Сиенна на мгновение задумалась.

– То, что внутри, наверняка надежно защищено и скорее всего помещено в небьющуюся пробирку из плексигласа. Этот

биоконтейнер – просто внешний футляр для дополнительной защиты во время транспортировки.

Лэнгдон посмотрел в окно на припаркованный перед отелем черный мотоцикл. Женщина еще не вышла, но вскоре она выяснит, что Лэнгдона там нет. Интересно, каким будет ее следующий шаг... и сколько пройдет времени, прежде чем она постучится к ним в дверь?

Наконец Лэнгдон решился. Взяв титановый цилиндр, он скрепя сердце приложил большой палец к биометрическому датчику. Через мгновение в капсуле что-то звякнуло, и раздался громкий щелчок.

Прежде чем механизм защиты блокировки успел снова включиться, Лэнгдон принялся осторожно развинчивать половинки цилиндра. Через четверть оборота капсула звякнула еще раз, и Лэнгдон понял, что обратного пути нет. Ладони у него вспотели, но он продолжил начатое.

Половинки плавно скользили по идеально подогнанной резьбе. Он словно пытался открыть драгоценную русскую матрешку, правда, не зная, что скрывается у нее внутри.

После пяти поворотов половинки развинтились. Сделав глубокий вдох, Лэнгдон осторожно их разъединил. Его глазам предстал завернутый в поролон овальный предмет, формой напоминавший миниатюрный мяч, каким играют в американский футбол. Лэнгдон осторожно положил его на стол.

Пока ничего страшного.

Лэнгдон осторожно освободил предмет от защитной оболочки.

Сиенна озадаченно склонила голову набок.

– Даже не знаю, что сказать.

Лэнгдон ожидал увидеть какой-нибудь футуристический флакон, но содержание биоконтейнера оказалось отнюдь не современным. Предмет размером с упаковку из-под леденцов был покрыт изящной резьбой и сделан из материала, напоминавшего слоновую кость.

– Выглядит как старинный, – прошептала Сиенна. – Похоже на...

– Цилиндрическую печать, – подсказал Лэнгдон со вздохом облегчения.

Изобретенные шумерами в середине четвертого тысячелетия до нашей эры цилиндрические печати были предшественниками современной техники печатной графики. Конструкция напоминала современный красящий валик – боковая поверхность цилиндра была покрыта резьбой, в его продольное осевое отверстие вставлялся вал, и после прокатки цилиндра по мокрой глине на ней отпечатывалась повторяющаяся полоса символов, изображений или текста.

Лэнгдон не сомневался, что данная печать действительно представляла большую ценность, но не понимал, зачем кому-то понадобилось заключать ее в титановый контейнер, словно химическое оружие.

Бережно поворачивая печать, он увидел, что на ней вырезано жуткое изображение – трехглавый рогатый Сатана пожирает одновременно трех человек, торчавших из пасти каждой его головы.

Нечего сказать – приятное зрелище.

Лэнгдон посмотрел на семь букв под картинкой. Как и все тексты на печатном цилиндре, витиеватая каллиграфия была нанесена зеркально, но Лэнгдону не составило труда прочитать все слово – SALIGIA.

Прищурившись, Сиенна тоже разобрала надпись.

– Saligia?

Лэнгдон кивнул, чувствуя, как по коже у него пробежали мурашки.

– Это латинский акроним, придуманный Ватиканом в Средние века, чтобы напоминать христианам о семи смертных грехах. Он составлен из начальных букв их названий: *superbia, avaritia, luxuria, invidia, gula, ira* и *acedia*.

Сиенна нахмурилась.

– Гордыня, алчность, похоть, зависть, чревоугодие, гнев и лень.

Лэнгдон был впечатлен.

– Вы знаете латынь.

– Меня воспитали католичкой. В грехах я разбираюсь хорошо.

Лэнгдон улыбнулся и снова опустил взгляд на печать, пытаюсь понять, зачем ее надо было прятать в биоконтейнер, словно она представляла опасность.

– Я сначала подумала, что это слоновая кость, – заметила Сиенна, – но на самом деле кость обычная. – Она поднесла цилиндр к солнечному свету и показала на испещрявшие его поверхность тонкие линии. – На слоновой кости ромбовидная диагональная штриховка с полупрозрачными жилками, а у обычной кости жилки расположены параллельно и имеют темные вкрапления.

Лэнгдон осторожно взял печать и внимательно осмотрел резные фигурки. На подлинных шумерских печатях имелась клинопись и фигурки были примитивными. На этой же резьба была намного искуснее и относилась, по мнению Лэнгдона, к Средневековью. Вдобавок при мысли, что вырезанное изображение явно перекликается с его галлюцинациями, ему стало не по себе.

Сиенна смотрела на него с тревогой.

– Что-то не так?

– Все тот же сюжет, – мрачно пояснил Лэнгдон и показал на резную фигурку на печати. – Видите этого трехглавого дьявола, пожирающего людей? Это обычный для Средневековья образ «черной смерти». Три прожорливых пасти символизируют свирепость, с какой чума расправлялась с населением.

Сиенна с опаской покосилась на знак биологической опасности.

Лэнгдону не нравилось, что вопрос о чуме и так поднимался слишком часто, поэтому раскрывать дальнейшую связь с этой темой ему очень не хотелось.

– Saligia олицетворяет коллективные грехи всего человечества... которые, согласно средневековым религиозным верованиям...

– ...и явились причиной, по которой Бог наказал людей «черной смертью», – закончила его мысль Сиенна.

– Верно, – согласился Лэнгдон и вдруг осекся.

Он только сейчас обратил внимание на одну очень странную деталь цилиндра. Обычно такие печати имели продольное осевое отверстие, в которое можно было посмотреть, как в обычную трубку, но в данном случае оно было чем-то закрыто. Внутри кости что-то находилось. Торец печати блеснул, поймав луч света.

– Внутри что-то есть, – сказал Лэнгдон. – Похоже, стекло.

Он перевернул цилиндр вверх дном, чтобы посмотреть на другой конец, и внутри что-то перекаатилось, будто там был спрятан шарик.

Лэнгдон замер, а Сиенна невольно вскрикнула.

Что, черт возьми, это было?!

– Вы слышали? – шепотом спросила Сиенна.

Лэнгдон кивнул и осторожно оглядел торец цилиндра.

– Тут какая-то заглушка... похоже, металлическая. – *Может, пробка от пробирки?*

Сиенна отшатнулась.

– А мы... случайно, ничего не разбили?

– Не думаю.

Лэнгдон осторожно перевернул цилиндр, чтобы снова посмотреть на торец, и внутри опять что-то перекаатилось. Через мгновение со стеклом в торце случилось нечто невообразимое. Оно вдруг засветилось.

Глаза Сиенны расширились.

– Роберт, стойте! Не шевелитесь!

Глава 14

Лэнгдон застыл на месте с цилиндром в поднятой руке. Вне всякого сомнения, из стекла в торце цилиндра лился свет... как будто его содержимое внезапно потревожили.

Однако вскоре внутреннее свечение погасло.

Стараясь унять волнение, Сиенна подошла ближе и, наклонив голову, пристально взгляделась в стеклышко в торце.

– Переверните цилиндр еще раз, – шепотом попросила она. – Только потихоньку.

Лэнгдон осторожно перевернул печать, и стало слышно, как внутри что-то опять прокатилось вниз.

– Давайте еще раз, только аккуратно, – сказала Сиенна.

Лэнгдон повторил процесс, и снова раздался тот же звук. На этот раз в стеклышке мелькнул свет, но тут же погас.

– Судя по всему, это культура бактерий в пробирке, – предположила Сиенна, – а шарик при встряхивании заставляет их реагировать.

Лэнгдон знал, что в распылители действительно кладут шарики: с их помощью при встряхивании краска в баллончиках лучше перемешивается.

– Наверное, там содержится какое-то фосфоресцирующее химическое вещество, – сказала Сиенна, – а может, биолюминесцентные бактерии, которые при раздражении начинают светиться.

У Лэнгдона была иная версия. Ему доводилось пользоваться химическими фонарями и даже наблюдать свечение биолюминесцентного планктона, когда тревожили его среду обитания, но он не сомневался, что в данном случае свечение объяснялось другой причиной. Он еще несколько раз осторожно перевернул цилиндр и направил себе на ладонь послушно появившийся слабый красноватый лучик.

Приятно сознавать, что люди с IQ за двести тоже не боги.

– Смотрите, – сказал Лэнгдон и с силой встряхнул цилиндр.

Предмет внутри загремел, перекатываясь вверх-вниз все быстрее и быстрее.

Сиенна отскочила назад.

– Вы с ума сошли?!

Продолжая трясти трубку, Лэнгдон подошел к выключателю и погасил свет, погрузив кухню в полумрак.

– Это не культура бактерий в пробирке, – пояснил он, продолжая трясти цилиндр. – Это указка Фарадея.

Подобное устройство Лэнгдон однажды получил в подарок от своего студента. Оно представляло собой лазерную указку для преподавателей, которых раздражала необходимость постоянно менять батарейки и которые были не прочь произвести несколько встряхиваний, чтобы превратить кинетическую энергию в электричество. Кинетическая энергия от такой тряски накапливалась аккумуляторной батареей, которая приводила в действие крошечный генератор. По-видимому, кто-то решил превратить старинную печать в такую указку и поместить современную электронную игрушку в древнюю оболочку.

Теперь кончик указки ярко светился, и Лэнгдон с улыбкой произнес:

– Представление начинается!

Он направил луч указки на голый участок кухонной стены. Стена осветилась, и Сиенна испуганно охнула. Но самого Лэнгдона увиденное поразило так, что он отпрянул от неожиданности.

На стене появилась не крошечная красная лазерная точка, а фотография высокого разрешения, как будто производил ее не маленький цилиндр, а старомодный диапроектор.

Боже милостивый! Узнав жуткую картину, отобразившуюся на стене, Лэнгдон почувствовал дрожь в руках. *Неудивительно, что я видел образы смерти.*

Прикрыв рот ладонью, Сиенна нерешительно шагнула вперед, замороженная представшим перед ее глазами зрелищем.

Костяная печать спроецировала на стену мрачную картину человеческих страданий: тысячи душ претерпевали ужасные пытки на разных уровнях ада. На цветном рисунке преисподняя была изображена в вертикальном разрезе в виде воронки, уходящей концентрическими уступами вглубь до самого центра Земли. Нисходящие уступы представляли собой соответствующие круги

ада – чем ниже, тем страшнее, – в которых корчились в пытках грешники.

Лэнгдон сразу узнал картину. Этот шедевр – «La Mappa dell'Inferno» – был создан одним из колоссов итальянского Возрождения Сандро Боттичелли. Его выписанная с мельчайшими подробностями «Карта ада» стала одним из самых жутких изображений загробной жизни, когда-либо созданных человеком. И по сей день эта темная, мрачная и страшная картина никого не оставляет равнодушным. Если «Весну» или «Рождение Венеры» Боттичелли писал яркими и радостными красками, то в «Карте ада» преобладает унылая желто-коричневая палитра.

У Лэнгдона вдруг сильно разболелась голова, но впервые после пробуждения в незнакомой больнице хоть что-то начало находить объяснение. Судя по всему, его мрачные галлюцинации были навеяны этой знаменитой картиной.

Должно быть, я накануне разглядывал «Карту ада» Боттичелли, подумал он, хотя понятия не имел, зачем это могло ему понадобиться. Картина уже сама по себе внушала трепет, но еще большее беспокойство у него вызывала мысль о том, что именно вдохновило Боттичелли на создание сего шедевра. Лэнгдон прекрасно понимал, что художником двигала не его собственная фантазия, а воображение другого человека, жившего на двести лет раньше.

Один великий шедевр породил другой.

Написание «Карты ада» Боттичелли вдохновило литературное произведение четырнадцатого века, которое стало одним из самых прославленных литературных творений в истории человечества... жуткое видение ада, вызывающее трепет по сей день.

«Ад» Данте.

Вайента неторопливо поднялась по служебной лестнице и осторожно выбралась на плоскую крышу погруженного в сон «Пенсione ла Фиорентина». Лэнгдон назвал работнику консульства

номер комнаты, которого не существовало в действительности. «Зеркальная встреча», как называлась эта уловка, была вполне обычным приемом для людей с подобным родом деятельности и позволяла оценить ситуацию, не выдавая своего местоположения. Для «зеркальной встречи» обязательно выбиралось место, за которым агент мог наблюдать с безопасного расстояния.

Вайента нашла удобную точку обзора на крыше, откуда открывался вид на всю округу с высоты птичьего полета, и принялась методично сканировать взглядом окна большого жилого здания напротив.

Теперь ваш ход, мистер Лэнгдон.

В этот момент Ректор вышел на обшитую красным деревом палубу своей роскошной яхты и с наслаждением набрал полную грудь солоноватого морского воздуха Адриатики. Это судно долгие годы служило ему домом, но теперь черед событий во Флоренции угрожала уничтожить все, что он построил.

Из-за фиаско Вайенты его империя оказалась под ударом, и за это по окончании миссии ей обязательно придется ответить, но сейчас она была нужна на месте.

И не дай ей бог подвести его еще раз.

Сзади послышались быстрые шаги, и Ректор, обернувшись, увидел, что к нему спешит одна из сотрудниц аналитического отдела.

– Сэр, – обратилась она к нему, запыхавшись, – появилась новая информация. – В утреннем воздухе ее голос звенел от волнения. – Роберт Лэнгдон только что зашел в свою гарвардскую почту с незащищенного IP-адреса, – доложила она и, встретившись взглядом с Ректором, добавила: – Теперь мы можем точно определить его местонахождение.

Ректор поразился удивительному легкомыслию, проявленному Лэнгдоном. *Это совершенно меняет дело.* Сложив пальцы домиком, он устремил взгляд на береговую линию, просчитывая варианты.

– Нам известно, где сейчас команда Службы наблюдения и реагирования?

– Да, сэр. Она менее чем в двух милях от позиции Лэнгдона.
Ректор принял решение.

Глава 15

– L'Inferno di Dante^[9], – восторженно прошептала Сиенна, не сводя взгляда с изображения преисподней, застывшего на стене кухни.

Представление Данте об аде во всей красе, подумал Лэнгдон.

Признанный одним из величайших произведений мировой литературы, «Ад» был первой из трех частей, которые составили «Божественную Комедию» Данте Алигьери. В этой эпической поэме из 14 233 стихов описывается, как автор сошел в преисподнюю, прошел через чистилище и, наконец, прибыл в рай. Из трех частей «Комедии» – «Ада», «Чистилища» и «Рая» – первая часть, «Инферно», как по-итальянски звучит «Ад», была, безусловно, самой читаемой и известной в мире.

Написанный Данте Алигьери в начале четырнадцатого века «Ад» буквально перевернул средневековые представления о вечных муках. Никогда прежде идея ада не находила столь наглядного и поражающего воображение описания. Своим творением Данте в мгновение ока превратил абстрактную концепцию ада в понятное и пугающее видение – зримое, реальное и незабываемое. Неудивительно, что после выхода поэмы в католические храмы хлынули толпы перепуганных грешников, желающих избежать адских мук, столь красочно описанных Данте.

Боттичелли изобразил ад Данте в виде подземной воронки, где в муках страдают грешники: языки пламени, зловоние серы, нечистоты, чудовища и, наконец, сам Сатана, поджидающий свои жертвы внизу, вызывают неподдельный ужас. Бездна преисподней

разделена на уровни – девять кругов ада, – куда попадают грешники по тяжести совершенных ими грехов. Наверху находятся сладострастники, которых истязают ураганом и ударами о скалы, что символизирует их неспособность укротить свои желания. Под ними – обиталище чревоугодников: они лежат, зарывшись лицом в нечистоты, а их рты набиты отходами их неумеренности. Еще ниже находятся еретики, обреченные на вечные муки в пылающих гробах. И чем ниже – тем ужаснее кара.

Семь столетий после его создания творение Данте служило предметом восхищения и источником вдохновения величайших творцов человечества. Его переводили на разные языки, сочиняли вариации на его тему. Видение ада Данте нашло отражение в литературном наследии Лонгфелло, Чосера, Маркса, Мильтона, Бальзака, Борхеса и даже нескольких пап. Монтеверди, Лист, Вагнер, Чайковский, Пуччини, а из современных композиторов – Лорина Маккеннитт, чье творчество особенно нравилось Лэнгдону, сочинили произведения, основанные на этой поэме. Даже современный мир видеоигр и приложений для планшета изобиловал материалами, связанными с ней.

Чтобы приобщить своих студентов к удивительному миру Данте, насыщенному яркими символами, Лэнгдон даже читал специальный курс лекций о неизменной образности созданных им и его последователями произведений.

– Роберт, – окликнула его Сиенна, подходя ближе к стене с изображением. – Взгляните-ка на это! – Она показала на участок в нижней части воронкообразной преисподней.

Там был изображен «Малеболже», что означает «Злые Щели», или «Злопазухи». Так в «Божественной Комедии» назывался восьмой, предпоследний круг ада, разделенный на десять рвов – каждый для своей категории грешников.

Сиенна продолжала еще более взволнованно:

– Видите?! Разве не это было в вашем видении?!

Лэнгдон прищурился, пытаясь разглядеть, что именно привлекло внимание Сиенны, но ничего не увидел. Заряд электричества кончился, и изображение начало тускнеть. Он снова энергично потряс цилиндрок, и картинка вновь ожила и заиграла красками. Чтобы увеличить изображение, Лэнгдон установил необычный проектор на краю стола у противоположной стены и, стоя чуть в стороне, чтобы не загоразивать луч, перевел взгляд на картину.

Сиенна снова показала на участок, изображавший восьмой круг ада:

– Видите? Помните, вы говорили, что в ваших галлюцинациях была пара ног, торчавших из земли, с написанной на них буквой «R»? – Она ткнула пальцем в нужное место. – Вот эти ноги!

Лэнгдон много раз видел эту картину и знал, что в десятом ряду Злых Щелей изображены закопанные в землю вниз головой грешники с торчавшими наружу ногами. Но его поразило, что в изображении на стене на одной ноге была выведена грязью буква «R» – в точности как в его видении.

Господи Боже! Лэнгдон еще пристальнее вгляделся в крошечную деталь.

– Этой буквы «R»... на картине Боттичелли нет!

– А вот еще одна буква, – заметила Сиенна, показывая пальцем.

Лэнгдон перевел взгляд на другой ряд Злых Щелей, где буква «E» была нацарапана на лжепророке со свернутой шеей.

Что за черт?! В картину внесены изменения!

Теперь он заметил, что буквы есть на грешниках во всех десяти рядах Злых Щелей. «C» – на обольстителе, которого бесы стегали кнутами... еще одна «R» – на воре, которого жалили змеи... «A» – на взяточнике, которого бесы варили в смоле.

– Этих букв точно нет на картине Боттичелли, – уверенно заявил Лэнгдон. – Изображение изменили с помощью цифровых технологий.

Он вернулся взглядом к картине и стал читать сверху вниз буквы, нацарапанные во всех десяти рядах Злых Щелей.

C... A... T... R... O... V... A... C... E... R

– Catrovacer? – произнес Лэнгдон. – Это итальянский?

Сиенна покачала головой.

– И не латынь. Никогда такого не встречала.

– Может... это подпись?

– Catrovacer? – Она с сомнением покачала головой. – На имя не похоже. Но посмотрите-ка лучше сюда. – Она показала на фигурку в третьем ряду Злых Щелей.

Лэнгдон взгляделся, и по спине у него побежали мурашки. Среди грешников, толпящихся в третьем ряду, имелось изображение культового образа Средневековья – закутанного в плащ человека в маске с длинным клювом и равнодушным взглядом холодных глаз.

Чумная маска.

– А у Боттичелли есть врачеватель чумы? – поинтересовалась Сиенна.

– Однозначно нет! Эту фигуру добавили.

– Боттичелли оставлял автограф на оригинале?

Этого Лэнгдон не помнил, но, взглянув в правый нижний угол, где обычно подписываются художники, понял, почему она спросила. Подписи там не было, но зато вдоль темно-коричневой границы рисунка тянулась строка, выведенная крошечными печатными буквами: «*la verità è visibile solo attraverso gli occhi della morte*».

Лэнгдон достаточно хорошо знал итальянский, чтобы уловить смысл.

– Истину можно узреть только глазами смерти.

Сиенна согласно кивнула.

– Странно.

Оба замолчали, глядя, как зловещее изображение на стене начало тускнеть. *Дантов «Ад»*, подумал Лэнгдон, *вдохновлявший на создание пророческих произведений искусства с 1330 года.*

Курс лекций Лэнгдона о Данте обязательно включал раздел о блестящих произведениях изобразительного искусства, созданных под влиянием творения Мастера. Помимо знаменитой «Карты ада»

Боттичелли тут и бессмертная скульптура Родена «Три тени у врат ада»... иллюстрации Яна ван дер Страта, где челн Флегия пересекает реку Стикс, заполненную мертвыми телами... похотливые грешники Уильяма Блейка, гонимые вечной бурей... полное причудливого эротизма полотно Уильяма Бугро, на котором Данте и Вергилий наблюдают за схваткой двух обнаженных мужчин... грешные души Франца фон Байроса, изнемогающие под огненным градом... серия эксцентричных гравюр на дереве и акварелей Сальвадора Дали... большая коллекция черно-белых иллюстраций к «Божественной Комедии» Гюстава Доре, где изображено все, от ведущего в ад тоннеля... до крылатого Сатаны.

Судя по всему, Дантов «Ад» оказал влияние не только на самых почитаемых в истории человечества художников. Он вдохновил еще и какого-то субъекта с больной психикой, который с помощью цифровых технологий внес изменения в знаменитый рисунок Боттичелли, добавив в него десять букв, врачевателя чумы и зловещую фразу о том, что истину можно узреть только глазами смерти. А затем этот «художник» упрятал изображение в высокотехнологичный проектор, который поместил в костяной футляр с причудливой резьбой.

Лэнгдон никак не мог взять в толк, кому вообще могло понадобиться создавать этот артефакт, но сейчас ему не давал покоя совсем другой вопрос.

Какого черта он оказался у меня?

Сиенна по-прежнему находилась на кухне рядом с Лэнгдоном, размышляя, что делать дальше, когда с улицы неожиданно донесся рев мощного двигателя. За ним последовал скрип тормозов, хлопнули дверцы. Озадаченная, она подошла к окну и выглянула на улицу.

Внизу стоял черный фургон, от которого отделилась группа мужчин в черной форме с круглой зеленой нашивкой на левом

рукаве и с автоматами в руках. Действуя с военной решительностью, они быстро направились к их дому.

Сиенна почувствовала, как кровь застыла у нее в жилах.

– Роберт, я не знаю, кто это, но они нашли нас!

Внизу агент Кристоф Брюдер выкрикивал команды своим людям, уже входившим в подъезд. Армейская закалка научила его беспрекословно выполнять полученный приказ, не задавая никаких вопросов. Он знал только свою задачу и понимал, насколько высоки ставки.

В организации, на которую работал Брюдер, имелось много разных подразделений, но его Службу наблюдения и реагирования, или сокращенно СНР, задействовали, когда ситуация выходила из-под контроля и требовались нестандартные, зачастую силовые решения.

Дождавшись, когда члены команды окажутся внутри дома, Брюдер вытащил рацию и связался с руководителем.

– Это Брюдер, – доложил он. – Мы вычислили местонахождение Лэнгдона по IP-адресу. Мои люди уже поднимаются. Я сообщу сразу, как только мы его возьмем.

Лежа на крыше «Пенсione ла Фиорентина», Вайента с ужасом наблюдала, как агенты входят в дом, и не верила своим глазам.

Какого черта ОНИ тут делают?

Нервно проведя рукой по склеенным в шипы волосам, она только теперь осознала, чем для нее обернулось проваленное вчера задание. Простое воркование голубя в самый неподходящий момент повлекло за собой целую череду неконтролируемых событий. То, что сначала выглядело самым обычным заданием... теперь превратилось в настоящий кошмар.

Если тут появилась команда СНР, то для меня все кончено.

Вайента торопливо вытащила свой мобильный «Тайгер» и набрала номер Ректора.

– Сэр, – запинаясь, произнесла она. – Тут на месте команда СНР. Люди Брюдера зашли в дом напротив!

Она ждала ответа, но услышала в трубке несколько щелчков, после чего электронный голос безучастно произнес: «Запущен протокол дезавуирования».

Посмотрев на экран мобильного, Вайента увидела, что он погас. Кровь отлила у нее от лица, и она заставила себя принять случившееся. Консорциум только что поставил на ней крест.

Никаких связей. Никаких следов.

От меня отреклись.

Шок длился всего мгновение.

Ему на смену пришел страх.

Глава 16

– Быстрее, Роберт! – торопила Сиенна. – Не отставайте!

Даже выбегая из квартиры в подъезд, Лэнгдон продолжал находиться в плену мрачных образов Дантовой преисподней. До сих пор Сиенна Брукс переносила выпавшие на их долю испытания с удивительным самообладанием, но теперь в ее поведении сквозил настоящий страх.

Сиенна бежала впереди. Она промчалась мимо лифта, который уже спускался вниз, наверняка вызванный людьми в черном. Добравшись до конца коридора, она, не оглядываясь, скрылась на лестничной площадке.

Лэнгдон бежал следом, скользя гладкими подошвами позаимствованных у соседа туфель. В нагрудном кармане пиджака от Бриони подпрыгивал крошечный проектор, в голове продолжали крутиться непонятные буквы из восьмого круга ада: CATRO-VACER. Перед глазами возникла чумная маска и странная фраза: *истину можно узреть только глазами смерти.*

Лэнгдон пытался найти связи между этими разрозненными элементами, но в голову ничего не приходило. На лестничной площадке он остановился, увидев, что Сиенна замерла, прислушиваясь. Снизу кто-то поднимался по лестнице.

– Здесь есть другой выход? – шепотом спросил Лэнгдон.

– За мной! – отрывисто бросила она.

Утром Сиенна уже спасла ему жизнь, так что Лэнгдону ничего не оставалось, кроме как вновь довериться ей. Набрав полную грудь воздуха, он поспешил по ступенькам вниз.

Они спустились на один этаж, и, судя по шагам внизу, от поднимавшихся преследователей их отделял всего этаж или два.

Зачем она идет им навстречу?

Сиенна схватила его за руку и, не давая опомниться, втолкнула в пустынный коридор с запертыми дверями.

Но здесь же негде спрятаться!

Сиенна щелкнула выключателем, и горевшие в коридоре лампочки погасли, однако даже в полумраке беглецов было отлично видно. Теперь шаги преследователей раздавались совсем близко, и Лэнгдон понял, что они вот-вот появятся на лестничной площадке, откуда был виден коридор.

– Дайте мне свой пиджак! – шепотом скомандовала Сиенна и, не дожидаясь, сама стащила его с Лэнгдона. Затем заставила своего спутника присесть на корточки в небольшой нише перед запертой дверью и загородила его собой. – Не шевелитесь!

Что она делает? Она же на самом виду!

На лестничной площадке появились два агента, спешившие наверх, но, заметив в полумраке коридора Сиенну, остановились.

– Per l'amore di Dio! Cos'è questa confusione? – визгливо закричала она. *Да что же это такое! Совсем совесть потеряли!*

Агенты нерешительно переглянулись.

Сиенна не унималась:

– Tanto chiasso a quest'ora! – *Шуметь в такую рань!*

Она успела накинуть на голову и плечи его черный пиджак, похожий в полумраке на старушечью шаль, сгорбилась и, полностью преобразившись, сделала шаг вперед, еще больше закрывая скрючившегося в нише Лэнгдона, – точь-в-точь выжившая из ума старая фурия.

Один из агентов, подняв руку, попросил ее вернуться к себе в квартиру:

– Signora! Rientri subito in casa!

Сиенна сделала еще один неуверенный шаг им навстречу и сердито потрясла кулаком.

– Avete svegliato mio marito, che è malato!

Лэнгдон не верил своим ушам. *Разбудили мужа?*

Второй агент поднял автомат и навел его на Сиенну.

– Ferma o sparo! – *Стой, или буду стрелять!*

Сиенна остановилась и, продолжая осыпать их проклятиями, заковыляла назад.

Агенты бросились дальше по лестнице и скрылись из виду.

Не шекспировская постановка, подумал Лэнгдон, но впечатляет. Театральный опыт оказался весьма эффективным оружием.

Сиенна стянула пиджак с головы и вернула его Лэнгдону.

– Ладно, теперь пора идти.

На этот раз Лэнгдон последовал за ней без колебаний.

С лестничной площадки над вестибюлем они увидели, как двое мужчин с автоматами уже заходили в лифт. Еще один дежурил на улице возле фургона – его черная униформа плотно обтягивала мускулистое тело. Сиенна и Лэнгдон, не говоря ни слова, продолжили путь и спустились в подземный гараж.

Здесь было темно и пахло мочой. Сиенна рысцой устремилась в угол, где стояли мотороллеры и мотоциклы, и остановилась у трайка – трехколесного мопеда, который походил на неуклюжего отпрыска маленького итальянского скутера и взрослого трехколесного велосипеда. Скользя тонкой рукой под переднее крыло, она вынула небольшую коробочку, державшуюся там на

магните. В ней оказался ключ. Вставив его в зажигание, она завела двигатель.

Через мгновение Лэнгдон уже сидел на мопеде позади нее. Еле уместившись на маленьком сиденье, он пошарил по бокам руками в поисках чего-нибудь, за что можно было бы держаться.

– Сейчас не до приличий, – сказала Сиенна, положив его руки себе на талию. – Держитесь крепче.

Лэнгдон подчинился, и трайк рванулся с места. Его двигатель оказался мощнее, чем можно было подумать, и они, слегка подпрыгнув, вылетели из гаража в пятидесяти ярдах от главного входа в здание. Мускулистый агент, оставшийся у внедорожника, обернулся на звук и увидел, как беглецы уносятся прочь. Сиенна прибавила газу, и двигатель взвыл на максимальных оборотах.

Прижавшись к спине Сиенны, Лэнгдон обернулся, чтобы посмотреть на агента, – тот вскинул оружие и тщательно прицелился. Лэнгдон невольно съежился. Раздался выстрел, и пуля, срикошетив от заднего крыла, едва не угодила Лэнгдону в поясницу.

Господи!

На перекрестке Сиенна резко свернула влево, и Лэнгдон едва не сорвался с мопеда, чудом сохранив равновесие.

– Прижмитесь ко мне сильнее! – крикнула Сиенна.

Лэнгдон так и сделал, и трайк на полной скорости вылетел на широкую улицу. Они проехали не меньше квартала, прежде чем Лэнгдон обрел способность соображать.

Кто, черт возьми, эти люди?!

Внимание Сиенны было приковано к дороге – она неслась по проспекту, смело лавируя между машинами, которых в этот утренний час оказалось не так много. Кое-кто из прохожих невольно останавливался, чтобы проводить удивленным взглядом странную парочку – мопедом управляла хрупкая женщина, а за ней сидел высокий мужчина.

Лэнгдон и Сиенна проехали три квартала и уже приближались к большому перекрестку, когда впереди послышался вой сирены. Из-

за угла на двух колесах вылетел черный фургон и, повернув, понесся прямо на них. Он был точно таким же, как тот, что стоял у их дома.

Сиенна резко вильнула вправо и нажала на тормоза. Лэнгдон по инерции ткнулся грудью ей в спину, и мопед замер, скрывшись из виду за припаркованным грузовиком. Сиенна выключила двигатель.

Они нас засекли?!

Съездившись, беглецы затаили дыхание.

Фургон, не сбавляя скорости, промчался мимо – судя по всему, не заметив их. Но Лэнгдон успел разглядеть сидевших в нем людей.

На заднем сиденье между двумя громилами была зажата, будто пленница, очень красивая пожилая женщина. Ее взгляд не фокусировался, а голова болталась, словно ее опоили или накачали наркотиком. На груди висел амулет, длинные серебристые локоны спадали с плеч.

У Лэнгдона перехватило дыхание, словно он увидел призрак. Это была женщина из его видений.

Глава 17

Ректор стремительно покинул командный центр и зашагал по длинной палубе «Мендация», стараясь собраться с мыслями. Случившееся в жилом доме во Флоренции не укладывалось у него в голове.

Он дважды обошел яхту и только после этого вернулся в каюту и достал бутылку односолодового виски пятидесятилетней выдержки. Поставив ее на стол, он повернулся к ней спиной, доказывая самому себе, что по-прежнему полностью собой владеет.

Его взгляд невольно задержался на тяжелом потрепанном томе, стоявшем на книжной полке. Его подарил тот самый клиент... о встрече с которым он теперь так сожалел.

Год назад... откуда мне было знать?

Обычно Ректор не встречался с потенциальными клиентами лично, но этого человека рекомендовал очень надежный источник, и он решил сделать для него исключение.

Когда клиент прибыл на частном вертолете на борт «Мендация», на море стоял полный штиль. Гостю было сорок шесть лет – подтянутый, очень высокий и с пронзительным взглядом зеленых глаз, он был заметной фигурой в своей сфере деятельности.

– Как вам известно, – начал посетитель, – воспользоваться вашими услугами мне порекомендовал наш общий друг. – Он вытянул ноги, чувствуя себя как дома в роскошном кабинете Ректора. – Позвольте мне изложить, что, собственно, от вас требуется.

– В этом нет необходимости, – прервал его Ректор, давая понять, кто здесь главный. – Согласно нашим правилам, вы ничего не должны мне рассказывать. Я объясню, какие услуги мы предоставляем, после чего вы решите, имеют ли они для вас интерес.

Посетитель не ожидал такого поворота, но возражать не стал и внимательно все выслушал. Как потом выяснилось, долговязому гостю требовалась весьма обычная для Консорциума услуга – обеспечить ему возможность на какое-то время «исчезнуть», чтобы он мог завершить задуманное вдали от любопытных глаз.

Детские игры.

Консорциум должен был снабдить его фальшивыми документами и предоставить абсолютно надежное и безопасное убежище, где он смог бы работать в полной секретности, чем бы ни занимался. Консорциум никогда не интересовался причинами, по которым клиенту необходима секретность, предпочитая знать о нем как можно меньше.

На протяжении целого года Ректор за весьма солидное вознаграждение обеспечивал пребывание зеленоглазого мужчины, оказавшегося идеальным клиентом, в надежном убежище. Ректор с

ним никогда не связывался, все выставленные счета оплачивались вовремя.

Но две недели назад все изменилось.

Неожиданно клиент сам вышел на связь и потребовал личной встречи с Ректором. Помня, какую сумму тот заплатил за оказанные услуги, Ректор не смог ему отказать.

Во взъерошенном неопрятном человеке, прибывшем на яхту, было трудно узнать подтянутого и уверенного в себе визитера, с которым Ректор встречался год назад. В зеленых, некогда пронизательных глазах теперь блуждал огонек смятения. Он казался больным.

Что с ним случилось? Чем он занимался?

Клиент с затравленным видом прошел за Ректором в его кабинет.

– Седовласая дьяволица, – запинаясь, произнес он. – Она подобралась совсем близко.

Ректор раскрыл папку с досье на клиента и взглянул на фотографию красивой женщины с серебристыми волосами.

– Да, – сказал он, – седовласая дьяволица. Ваши враги нам хорошо известны. И какой бы могущественной она ни была, мы целый год успешно вас от нее скрывали и сможем это делать и дальше.

Зеленоглазый мужчина нервно накрутил на палец прядь засаленных волос.

– Не смотрите, что она такая красивая. Она очень опасна.

Мне ли не знать, подумал Ректор, уже не в первый раз досадуя, что его клиент оказался в центре внимания столь влиятельной особы. У этой пожилой женщины имелись обширные связи и огромные ресурсы, а Ректор предпочитал не иметь дела с противниками такого калибра.

– Если она или ее подручные меня найдут... – начал клиент.

– Не найдут, – заверил Ректор. – Разве до сих пор нам не удавалось укрывать вас в безопасном месте и снабжать всем, что требовалось?

– Все так, – согласился клиент. – Но я буду спать спокойнее, если... – Он помолчал, собираясь с мыслями. – Я должен быть уверен, что, если со мной что-нибудь случится, вы выполните мою последнюю просьбу.

– И в чем она заключается?

Мужчина открыл портфель и вытащил из него маленький запечатанный конверт.

– В конверте сведения, предоставляющие доступ к сейфовой ячейке в одном флорентийском банке. Там хранится маленький предмет. Если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы вы доставили его адресату от моего имени. Это своего рода подарок.

– Очень хорошо, – согласился Ректор и взял ручку, готовясь записать. – И кому его надо доставить?

– Седовласой дьяволице.

– Подарок своей мучительнице? – Ректор удивленно приподнял бровь.

– Скорее, «подарочек». – Глаза его клиента зловеще блеснули. – Изящная вещица, выточенная из кости. Она поймет, что это карта... личный Вергилий... который сопровождает ее в самое сердце преисподней.

Ректор устремил на него долгий изучающий взгляд.

– Как скажете. Считайте, что это уже сделано.

– Здесь очень важен фактор времени, – в волнении продолжал гость. – Подарок нельзя доставлять заранее. А вручить надо... – Он вдруг замолчал, о чем-то задумавшись.

– А вручить надо?.. – напомнил Ректор, возвращая его к разговору.

Клиент вдруг резко вскочил, обогнул стол и, схватив красный маркер, судорожно обвел им число на персональном настольном календаре Ректора.

– Вот в этот день!

Ректор медленно выдохнул, гася раздражение, вызванное столь беспардонным поведением гостя.

– Я понял, – произнес он. – Я ничего не предпринимаю, пока не наступит дата, обведенная на календаре, и в этот день предмет, находящийся в банковской ячейке, чем бы он ни являлся, будет доставлен седовласой женщине. Можете на меня положиться.

Он посчитал, сколько осталось до обведенной даты.

– Ваша просьба будет выполнена ровно через четырнадцать дней, начиная с сегодняшнего.

– И ни днем раньше! – нервно повторил клиент.

– Я понял, – заверил его Ректор. – Ни днем раньше.

Ректор взял конверт, положил его в папку с досье и сделал пометку, чтобы все было исполнено в точности так, как настаивал клиент. Хотя клиент и не стал объяснять, чем именно являлся предмет из банковской ячейки, Ректора это вполне устраивало. Безучастность и отстраненность являлись краеугольным камнем философии Консорциума. *Предоставить услугу. Не задавать вопросов. Ни о чем не судить.*

Плечи клиента обмякли, он тяжело выдохнул.

– Благодарю вас.

– Что-нибудь еще? – поинтересовался Ректор, стремясь поскорее закончить встречу с изменившимся до неузнаваемости клиентом.

– Вообще-то да, – ответил тот и, вытащив из кармана маленькую флешку, положил ее перед Ректором. – Здесь записан видеоролик. Я хочу, чтобы его разослали в ведущие мировые СМИ.

Ректор пристально посмотрел на гостя. Консорциуму часто приходилось распространять информацию по указанию клиентов, но в просьбе этого человека его что-то смущало.

– В этот же день? – уточнил Ректор, показывая на календарь с обведенной датой.

– Именно так, – подтвердил клиент. – И ни днем раньше.

– Я понял. – Ректор прикрепил к флешке ярлычок с указаниями. – Итак, на этом все?

Ректор поднялся, намереваясь закончить встречу, но гость остался сидеть.

– Нет. Есть еще одно. Последнее.

Ректор снова опустился в кресло.

– Вскоре после того, как вы разошлете это видео, я стану очень знаменитым человеком, – произнес гость, и его глаза вспыхнули недобрым огнем.

Ты и так уже знаменит, подумал Ректор, зная о его впечатляющих достижениях.

– И ваша роль в этом заслуживает признания, – продолжал клиент. – Услуга, оказанная вами, позволила мне создать шедевр... творение, которое изменит мир. Вам следует гордиться своим участием.

– Чем бы ни был ваш шедевр, – заметил Ректор с нарастающим нетерпением, – я рад, что мы смогли обеспечить условия, позволившие его создать.

– В знак признательности я хочу сделать вам прощальный подарок, – продолжил гость и открыл портфель. – Это книга.

Ректор сначала решил, что эта книга и есть тот тайный опус, над которым клиент трудился все это время.

– Эту книгу написали вы?

– Нет, – ответил гость и водрузил на стол увесистый фолиант. – Совсем наоборот... ее написали *для меня*.

Ректор озадаченно перевел взгляд на книгу. *Он считает, что ее написали для него?* Но это же классическое произведение литературы... которое было создано в четырнадцатом веке!

– Прочтите ее. – На лице гостя заиграла зловещая усмешка. – Она поможет вам оценить все величие моего свершения. – С этими словами неопрятный гость поднялся и, попрощавшись, тут же вышел.

Ректор посмотрел в окно каюты на вертолет, удалявшийся в сторону итальянского побережья. Потом перевел взгляд на лежавший перед ним фолиант в кожаном переплете. Нерешительно раскрыв книгу, он перелистнул несколько страниц и нашел начало. Вступительный абзац был набран крупным шрифтом и занимал всю страницу.

АД

Когда-то я в годину зрелых лет
В дремучий лес зашел и заблудился.
Потерян был прямой и верный след...

На чистой странице рядом клиент написал от руки:

Мой дорогой друг, спасибо, что помогли мне найти истинный путь.

Мир тоже благодарен вам.

Ректор понятия не имел, что это значило, но с него было довольно. Он закрыл книгу и поставил ее на полку. К счастью, деловые отношения с этим странным субъектом скоро закончатся. *Еще четырнадцать дней*, подумал Ректор, глядя на обведенную красным дату в календаре.

Все дни после этого визита Ректора преследовало нехарактерное для него ощущение смутной тревоги. Клиент производил впечатление психически нездорового человека. Однако, несмотря на дурные предчувствия, время шло, и ничего необычного не происходило.

А затем, как раз накануне обведенной красным даты, во Флоренции произошла череда прискорбных событий. Ректор пытался справиться с кризисом, но ситуация быстро вышла из-под контроля. Кульминацией стал роковой подъем клиента на башню Бадия.

Он бросился с нее... и разбился насмерть.

Несмотря на потрясение от потери клиента, особенно при таких обстоятельствах, Ректор оставался человеком слова. Он быстро

занялся подготовкой к выполнению последней воли покойного – доставкой содержимого банковской ячейки во Флоренции седовласой женщине. Он помнил, что доставить его нужно точно в срок.

И ни в коем случае не раньше даты, отмеченной в календаре.

Ректор передал Вайенте конверт с кодом ячейки, и она отправилась во Флоренцию, чтобы забрать ее содержимое. Однако когда Вайента позвонила, она сообщила не о выполнении задания, а совсем другие, поразительные и крайне тревожные новости. Содержимое банковской ячейки уже кто-то изъяс, а сама Вайента чудом избежала ареста. Каким-то образом седовласой женщине стало известно о ячейке, и она, используя свое влияние, добилась доступа к ней и ордера на арест любого, кто попытается ее открыть.

Это было три дня назад.

Клиент явно намеревался с помощью похищенного предмета унизить седовласую женщину – послать своего рода прощальный привет из могилы.

Но голос из могилы прозвучал раньше времени.

Все эти дни Консорциум напрягал все силы, чтобы выполнить последнюю волю клиента и защитить себя. В результате этих усилий им пришлось несколько раз перейти черту, и Ректор понимал, что теперь на кону стоит вопрос выживания. События во Флоренции продолжали развиваться, и Ректор, направив на стол невидящий взгляд, пытался предугадать, что приготовило им будущее.

С календаря на него смотрела небрежно обведенная красным, наверняка не случайная дата.

Завтра.

Ректор с сомнением посмотрел на бутылку виски, стоявшую перед ним на столе. А затем, впервые за последние четырнадцать лет, плеснул себе в бокал и залпом выпил.

Координатор Лоренс Ноултон вытащил маленькую флешку из компьютера и положил на стол перед собой. Подобных странных

записей ему еще не доводилось видеть ни разу в жизни.

И она длилась ровно девять минут... секунда в секунду.

Испытывая непривычное чувство тревоги, он поднялся и принялся мерить шагами свой маленький кабинет, вновь спрашивая себя, не стоит ли показать этот странный ролик Ректору.

Просто делай свою работу, приказал себе Ноултон. Никаких вопросов. Никаких оценок.

Выкинув ролик из головы, он отметил подтверждение задания в ежедневнике. Завтра, как и обещано клиенту, он разошлет видеофайл всем главным новостным порталам.

Глава 18

Бульвар Никколо Макьявелли называют одной из самых красивых улиц Флоренции. Причудливо петляя по живописному, утопающему в зелени району, он давно стал излюбленным местом велосипедистов и поклонников «феррари».

Оставив позади неопрятные жилые кварталы, Сиенна умело вела трайк по извилистой дороге вдоль чистого, напоенного запахом кедра престижного западного берега. Они миновали церквушку, часы на которой как раз били восемь.

У Лэнгдона по-прежнему не выходили из головы загадочные образы Дантова ада... и таинственное лицо прекрасной незнакомки с серебристыми волосами, которую он только что видел на заднем сиденье фургона в компании двух громил.

Кем бы она ни была, подумал Лэнгдон, ее схватили.

– Та женщина в фургоне, – спросила Сиенна, перекрикивая тарактенье мотора, – вы уверены, что в ваших видениях являлась именно она?

– Абсолютно.

– Тогда вы обязательно должны были встречаться с ней в последние два дня. Вопрос в том, почему она продолжает вам

являться... и все время повторяет: «Ищите и обрящете».

Лэнгдон согласно кивнул.

– Я не знаю... я не помню ни о какой встрече, но каждый раз, когда я ее вижу, я чувствую, что должен во что бы то ни стало ей помочь.

Визири... визири...

И почему эти слова все время всплывают, стоит ему о ней подумать? Какая тут может быть связь? Не находя ответа, он злился на свою беспомощность.

Ему казалось, будто из его арсенала изъяли самое главное оружие. *Я ничего не помню.* Обладая с детства фотографической памятью, Лэнгдон считал ее своим самым главным интеллектуальным достоянием. Для человека, привыкшего помнить мельчайшие подробности всего, что только видит глаз, потеря этого дара была сродни попытке посадить самолет в кромешной тьме и без радара.

– Похоже, что расшифровка «Карты ада» – ваш единственной шанс найти ответы, – сказала Сиенна. – Скрытые в ней тайны... наверное, и есть та причина, по которой за вами охотятся.

Лэнгдон кивнул, думая о слове «catrovaser», написанном на корчащихся телах грешников Дантова ада.

И вдруг его осенило.

Я проснулся во Флоренции...

Ни один город в мире не был так тесно связан с Данте, как Флоренция. Данте Алигьери родился во Флоренции, вырос тут, влюбился, если верить легенде, в Беатриче, а потом был безжалостно изгнан из родного города и долгие годы скитался по Италии, тоскуя по дому.

Покинуть все, что некогда любил, ты должен будешь, скрывши сожаленье и затаив негодованья пыл, писал Данте об изгнании. Узнаешь ты, озлоблен и уныл, как горек хлеб, чужими поднесенный, как путь тяжел по лестницам чужим.

Вспомнив эти слова из Семнадцатой песни «Рая», Лэнгдон посмотрел направо, где за рекой Арно виднелись вдали башни

старой Флоренции.

Лэнгдон представил себе Старый город: толпы туристов, толкотня, забитые машинами узкие улочки вокруг знаменитых соборов, музеев, церквей и торговых районов. Если они с Сиенной бросят мопед, то смогут затеряться в толпе.

– Нам нужно в Старый город, – заявил Лэнгдон. – Если и есть ответы, то искать их следует там. Старая Флоренция была для Данте всем миром.

Согласно кивнув, Сиенна крикнула ему через плечо:

– Там будет безопаснее, и есть где укрыться. Я поеду к Римским воротам, там мы пересечем реку.

Река, подумал Лэнгдон, невольно вздрогнув. Знаменитое путешествие Данте в ад тоже началось с того, что он пересек реку.

Сиенна прибавила газу, и мимо замелькали, сливаясь, деревья и дома. Перед глазами Лэнгдона снова возникли образы мертвых и умирающих в преисподней, Злые Щели восьмого круга ада с фигурой врачевателя чумы и непонятным словом «catrovaser». Что может означать загадочная фраза «Истину можно узреть только глазами смерти» и не является ли она цитатой из Данте?

Что-то не припомню такого.

Лэнгдон очень хорошо знал «Божественную Комедию» и, будучи признанным экспертом в области истории искусств, специализировавшимся на иконографии, не раз привлекался для расшифровки символов, которыми изобиловали труды Данте. По чистой случайности, а может, по воле Судьбы, примерно два года назад он даже прочитал целую лекцию, которая называлась «Божественный Данте: символы преисподней».

Данте Алигьери стал поистине культовой фигурой истории, и общества его поклонников имелись в самых разных уголках мира. Старейшее такое объединение в Америке основал Генри Уодсворт Лонгфелло в 1881 году в Кембридже, штат Массачусетс. Этот знаменитый поэт из Новой Англии стал первым американцем,

который перевел «Божественную Комедию», и его перевод остается одним из самых читаемых и востребованных по сей день.

Как авторитетного знатока «Божественной Комедии», Лэнгдона попросили выступить на крупном мероприятии, которое организовало известнейшее Венское отделение «Общества Данте Алигьери». Оно проходило в Венской академии наук, и его главному спонсору – богатому ученому и члену «Общества» – удалось арендовать ее лекционный зал на две тысячи мест.

Прибывшего на выступление Лэнгдона встретил распорядитель мероприятия. Когда они шли по вестибюлю, Лэнгдону бросилась в глаза исполинская надпись на торцевой стене: «А ЧТО ЕСЛИ БОГ ОШИБСЯ?»

– Это Лукас Троберг, – пояснил распорядитель. – Наша новая художественная инсталляция. Как вам?

Окинув взглядом гигантскую надпись, Лэнгдон смутился, не зная, как отреагировать.

– Хм... мазки очень смелые, но над пунктуацией нужно еще поработать.

Распорядитель, опешив, отвернулся, и Лэнгдону лишь оставалось надеяться, что контакт с аудиторией будет лучше.

Когда он вышел на сцену, его встретили овацией. Зал был набит до отказа, и люди, которым не хватило места, стояли в проходах.

– Meine Damen und Herren^[10], – начал Лэнгдон, и его голос, усиленный динамиками, разлетелся по залу. – Willkommen, bienvenue, welcome^[11].

Знаменитая фраза из «Кабаре» вызвала одобрителный смех.

– Мне сказали, что сегодня здесь собрались не только члены «Общества Данте Алигьери», но и приехавшие ученые, а также студенты, которые только приступают к изучению творчества Данте. Поэтому для тех из вас, кто в силу исключительной занятости еще не успел прочитать эту итальянскую средневековую эпическую поэму, я начну с краткого обзора жизни и творчества Данте и объясню, почему он считается одной из самых влиятельных фигур в истории.

Новый взрыв аплодисментов.

С помощью маленького пульта Лэнгдон вывел на экран серию слайдов с изображением Данте. На первом портрете, написанном Андреа дель Кастаньо, Данте был изображен в полный рост – он стоял возле открытой двери с книгой по философии в руках.

– Итак, Данте Алигьери, – начал Лэнгдон. – Этот флорентийский поэт и философ родился в одна тысяча двести шестьдесят пятом году и умер в одна тысяча триста двадцать первом. На этом портрете, как практически и на всех других изображениях, на голове у него каппуччио – своего рода колпак с наушниками, который плотно прилегает к голове. Этот головной убор и темно-красная мантия стали неотъемлемой частью привычного нам облика Данте.

Затем на экране появился портрет из галереи Уффици кисти Боттичелли, подчеркивавший наиболее характерные черты лица поэта – тяжелый подбородок и крючковатый нос.

– Здесь мы снова видим, что своеобразное лицо Данте обрамляет тот же головной убор, но Боттичелли добавил еще и лавровый венок как символ мастерства – в данном случае, в искусстве поэзии. Эта традиция унаследована от древних греков и используется по сей день при награждении лауреатов литературных премий и Нобелевской премии.

Лэнгдон быстро показал еще несколько портретов – на всех Данте был изображен с большим крючковатым носом, в красном головном уборе и красном плаще и украшен лавровым венком.

– Завершить ваше представление о внешности Данте поможет статуя на площади Санта-Кроче... и, конечно, знаменитая фреска в часовне Барджелло, приписываемая Джотто.

Оставив на экране проекцию слайда фрески Джотто, Лэнгдон вышел на середину сцены.

– Как вам, без сомнения, известно, Данте прославил его монументальный литературный шедевр «Божественная Комедия», в которой необычайно ярко и волнующе рассказывается о спуске автора в преисподнюю, прохождении через чистилище и, наконец,

подъеме в рай для общения с Богом. По нынешним меркам, в «Божественной Комедии» нет ничего комедийного, и называется она комедией совсем по другой причине. В четырнадцатом веке вся итальянская литература делилась на две категории: трагедия представляла собой высокую литературу на «официальном» итальянском языке, а комедия – литературу для широкой публики, написанную на языке повседневного общения.

Прокрутив слайды, Лэнгдон остановился на знаменитой фреске Микелино, на которой Данте изображен у стен Флоренции с экземпляром «Божественной Комедии» в руках. На заднем плане гора чистилища в форме усеченного конуса поднималась уступами вверх, а под ней располагались врата ада. Теперь эта картина висела во флорентийском соборе Санта-Мария-дель-Фьоре, более известном как Дуомо.

– Как следует из названия, – продолжал Лэнгдон, – «Божественная Комедия» была написана на языке простого народа. Тем не менее в ней мастерски сплетены в единое литературное полотно религия, история, политика, философия и общественная критика. При всей своей утонченности, поэма была доступна пониманию самых широких масс. Это творение стало настоящим столпом итальянской культуры, а Данте принято считать создателем итальянского литературного языка. – Сделав паузу для усиления эффекта, Лэнгдон тихо произнес: – Друзья, переоценить влияние творчества Данте Алигьери просто невозможно. За исключением разве что Священного Писания, ни одно произведение литературы, живописи или музыки не может сравниться с «Божественной Комедией» по количеству восхищенных отзывов, вариаций, подражаний и комментариев.

Перечислив внушительный список знаменитых композиторов, художников и писателей, обращавшихся в своем творчестве к эпической поэме Данте, Лэнгдон обвел взглядом собравшихся.

– Скажите, есть ли среди вас писатели?

Примерно треть присутствующих подняли руки. Лэнгдон не поверил своим глазам. *Либо тут собралась самая талантливая публика на свете, либо электронные публикации действительно изменили привычные представления о писательском труде.*

– Что ж, как вам, авторам, известно лучше других, нет ничего, что писатель ценит выше благоприятного отзыва – вожденной строчки какого-нибудь авторитета, которая печатается на обложке и поднимает продажи. В Средние века было то же самое. А у Данте таких отзывов было немало. – Лэнгдон поменял слайд. – Разве вам не хотелось бы иметь на обложке своей книги вот такую запись?

Он так велик, что все остальные кажутся карликами.

– Микеланджело

По залу прокатился гул удивления.

– Да, – продолжил Лэнгдон, – эти слова сказаны тем самым Микеланджело, которого мы знаем по Сикстинской капелле и «Давиду». Он был не только гениальным художником и скульптором, но и превосходным поэтом, который опубликовал около трехсот стихотворений. Одно из них называется «Данте» и посвящено человеку, чье мрачное видение ада вдохновило Микеланджело на написание «Страшного суда». А если вы мне не верите, прочитайте Третью песню «Ада» Данте, а потом посетите Сикстинскую капеллу. Там прямо над алтарем вы увидите вот этот знакомый образ. – Лэнгдон показал слайд с изображением звероподобного гиганта, который яростно замахивался веслом на испуганно жавшихся друг к другу людей в лодке. – Это – Харон, доставляющий души в царство мертвых, ударами весла он загоняет их в лодку.

Затем Лэнгдон перешел к следующему слайду – очередному фрагменту «Страшного суда» Микеланджело. На этот раз – к сцене распятия какого-то человека.

– Это Аман Агаги, и в Библии говорится, что он был повешен. Однако в поэме Данте его распинают, и, как вы видите сами, для

росписи Сикстинской капеллы Микеланджело предпочел Библии вариант Данте. – Улыбнувшись, Лэнгдон понизил голос до шепота: – Только не говорите об этом папе римскому.

В зале послышался смех.

– В своем «Аде» Данте описал такой мир боли и страданий, представить который до него никто не мог, и его творение в буквальном смысле сформировало наши представления о преисподней. – Помолчав, Лэнгдон продолжил: – И, поверьте, католической церкви есть за что благодарить Данте. Его ад внушал ужас верующим на протяжении веков, и они стали приходить в церковь замаливать грехи в два, а то и в три раза чаще.

Лэнгдон снова сменил слайд.

– А теперь настало время вспомнить, зачем мы здесь сегодня собрались.

На экране появилось название лекции: «Божественный Данте: символы преисподней».

– Дантов ад предоставляет такое богатство материала по символизму и иконографии, что я часто посвящаю этой теме курс, который занимает целый семестр. И я подумал, что для беглого знакомства с символикой преисподней Данте нет способа лучше, чем вместе с ним пройти... через врата ада. – Лэнгдон подошел к краю сцены и обвел взглядом аудиторию. – А если нам предстоит путешествие по аду, то я настоятельно рекомендую прихватить с собой карту. А самую подробную и точную карту нарисовал Сандро Боттичелли.

Он нажал на пульте кнопку, и на экране появилось изображение внушающей страх «Карты ада» Боттичелли. При виде ужасных пыток в подземном царстве в зале раздались испуганные возгласы.

В отличие от многих других иллюстраторов «Божественной Комедии» Боттичелли относился к авторскому описанию с истинным благоговением. По сути, он проводил так много времени за чтением Данте, что, по словам великого родоначальника искусствоведения Джорджо Вазари, одержимость Данте «серьезно осложнила его жизнь». Боттичелли создал более двадцати работ по мотивам Данте, но эта карта является самой знаменитой.

Лэнгдон повернулся и показал на верхний левый угол картины.

– Наше путешествие начнется здесь, где вы видите Данте в красном и Виргилия у врат в преисподнюю. Отсюда мы двинемся вниз, пройдем через девять кругов Дантова ада и, в конце концов, окажемся лицом к лицу с... – Лэнгдон быстро сменил слайд, и на экране возникло увеличенное изображение Сатаны, каким его нарисовал на той же картине Боттичелли: жуткий трехголовый Люцифер пожирает трех человек, торчащих из каждой его пасти.

Аудитория испуганно охнула.

– Это для общего представления, – пояснил Лэнгдон. – Сей пугающий персонаж будет ждать нас в конце сегодняшнего путешествия. Тут находится девятый круг ада, где обитает сам Сатана. Однако... – он выдержал паузу, – чтобы ничего не пропустить, давайте вернемся к вратам преисподней, откуда и начнем свое путешествие.

Нажав на кнопку, Лэнгдон показал очередной слайд – литографию Гюстава Доре. На ней был изображен крутой обрыв с темным входом в тоннель, над которым виднелась надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

– Итак, – спросил Лэнгдон с улыбкой, – в путь?

Где-то послышался громкий визг тормозов, и зал перед глазами Лэнгдона исчез. Его бросило вперед, и он уткнулся в спину Сиенны, а трайк замер посреди бульвара Макьявелли.

Лэнгдон покачнулся, не сразу очнувшись от нахлынувших воспоминаний, и огляделся.

– Что случилось? – спросил он.

Сиенна показала на старинные каменные Римские ворота, когда-то служившие входом во Флоренцию. До них оставалось ярдов триста.

– Роберт, у нас проблема.

Глава 19

Агент Брюдер стоял посреди убогой квартирki и пытался собраться с мыслями. Кто, черт возьми, здесь живет? Скучная и разношерстная мебель делала жилье похожим на комнату в студенческом общежитии, обставленную тем, что нашлось на складе.

– Агент Брюдер? – позвал его из другой комнаты один из подручных. – Тут кое-что есть.

Брюдер прошел по коридору, задаваясь вопросом, удалось ли полиции задержать Лэнгдона. Он бы предпочел решить проблему

«своими силами», но побег Лэнгдона не оставлял ему выбора – придется подключать полицейских, чтобы те выставили посты и перекрыли дороги. В лабиринте флорентийских улиц на юрком мопеде легко ускользнуть от тяжелых фургонов Брюдера: массивные пуленепробиваемые стекла и защищенные от проколов шины обеспечивали безопасность, но делали машины неповоротливыми. Вообще-то итальянская полиция неохотно сотрудничала со сторонними организациями, но у той, на которую работал Брюдер, имелось достаточно рычагов влияния как на полицейских, так и на посольства с консульствами. *Когда мы просим, нам не смеют отказать.*

Брюдер вошел в маленький кабинет, где его агент в резиновых перчатках что-то набирал на клавиатуре открытого ноутбука.

– Вот отсюда Лэнгдон и выходил в Сеть, – пояснил он. – Он проверил свой почтовый ящик и сделал несколько запросов. Все это осталось в памяти компьютера.

Брюдер подошел к столу.

– Компьютер принадлежит не ему, – продолжил агент. – Он зарегистрирован на человека с инициалами С. К. Полное имя я сейчас выясню.

Дождаясь результатов, Брюдер скользнул взглядом по стопке бумаг на столе и взял те, что лежали сверху. Ими оказались старая программка лондонского театра «Глобус» и газетные вырезки. Брюдер машинально начал их читать, и его глаза округлились от изумления.

Забрав бумаги, Брюдер вернулся в гостиную и позвонил своему руководителю.

– Это Брюдер, – доложил он. – Думаю, мы знаем, кто помогает Лэнгдону.

– И кто это?

– Вы не поверите, – ответил Брюдер.

* * *

В двух милях от дома Сиенны Вайента мчалась на мотоцикле, низко пригнувшись к рулю. Ей навстречу неслись полицейские машины с включенными сиренами.

Меня списали. Эта мысль не давала ей покоя. Обычно мягкий рокот четырехтактного двигателя действовал на нее умиротворяюще, но не сегодня.

Вайента работала на Консорциум двенадцать лет. Она начинала рядовым оперативником, потом получила повышение и стала координатором операций, а теперь входила в оперативную элиту организации. *Работа – это все, что у меня есть.* Секретность, разъезды и долгие командировки являлись неотъемлемой частью жизни оперативника и не позволяли заводить семью или выстраивать отношения.

Я занималась этой операцией целый год, думала она, не в силах поверить, что Ректор так решительно поставил на ней крест.

Двенадцать месяцев Вайента курировала выполнение обязательств Консорциума перед тем самым клиентом – эксцентричным зеленоглазым гением, который хотел просто «исчезнуть» на какое-то время и продолжить работу вне поля зрения врагов и конкурентов. Он путешествовал крайне редко и всегда тайно и все время проводил за работой. Чем именно он занимался, Вайента не знала – ее задачей было лишь обеспечить секретность его местонахождения и не допустить, чтобы оно стало известно влиятельным людям, пытавшимся его разыскать.

Вайента справлялась со своими обязанностями с присущим ей профессионализмом, и все шло отлично.

До вчерашнего вечера.

А потом все пошло наперекосяк.

На мне поставили крест.

При запуске протокола дезавуирования агенту надлежало немедленно прекратить выполнение задания и тотчас покинуть «оперативный район». Если агента схватят, Консорциум будет отрицать всякую с ним связь. Агенты знали, что им лучше держать

язык за зубами и не рассчитывать на помощь организации, поскольку не раз имели возможность лично убедиться во всемогущести Консорциума и его способности настоять на своем.

Вайенте было известно только о двух агентах, в отношении которых был запущен подобный протокол. Никого из них она больше не видела. Она всегда полагала, что их просто сначала вызвали для объяснений, а потом уволили с требованием никогда больше не вступать в контакт ни с кем из прежних коллег.

Но теперь она не была так в этом уверена.

Ты просто драматизируешь, успокаивала она себя. Консорциум предпочитает действовать изящно, а не хладнокровно убивать.

Но от этой мысли ей не стало легче, и она почувствовала, как на лбу выступила холодная испарина.

Повинуясь инстинкту, она скрытно покинула крышу гостиницы, как только заметила высадившийся десант Брюдера, и теперь спрашивала себя, не спас ли инстинкт ей жизнь.

Никто не знает, где я сейчас.

Вайента мчалась по прямому как стрела проспекту Поджо-Империале, думая о том, как все изменилось за эти несколько часов. Ночью она боялась потерять работу, а сейчас – жизнь.

Глава 20

Некогда Флоренция была обнесена крепостной стеной, и входом служили каменные Римские ворота, построенные в 1326 году. Хотя бóльшую часть стен снесли несколько столетий назад, Римские ворота стоят и по сей день, и машины въезжают в город по глубоким арочным тоннелям, пробитым в толще стен.

Сами ворота представляют собой массивное сооружение высотой в пятьдесят футов, воздвигнутое из камня и кирпича, две сохранившиеся внушительные деревянные двери с большими болтами и замками постоянно открыты. К воротам сходятся шесть

крупных дорог, а на круглой лужайке перед воротами стоит большая мраморная статуя Микеланджело Пистолетто, которая изображает покидающую город женщину с большим узлом на голове.

Сегодня эти сурового вида городские ворота – настоящая головная боль флорентийцев, вынужденных стоять там в постоянных пробках, а некогда тут проходила «Фьера-деи-контратти» – своеобразная ярмарка невест, где отцы подыскивали пару своим дочерям и нередко заставляли девушек танцевать как можно обольстительнее, чтобы получить выкуп побольше.

Остановившись за несколько сотен ярдов от ворот, Сиенна с тревогой на что-то показывала. Лэнгдон посмотрел вперед и сразу понял, что ее насторожило. Полиция заблокировала въезд в город и на круговом движении, и теперь там выстроилась длинная автомобильная очередь. На усиление кордона прибывали все новые полицейские машины. Вооруженные полицейские обходили скопившиеся автомобили, заглядывали внутрь и задавали вопросы.

Не может быть, чтобы это из-за нас, подумал Лэнгдон. Или может?

К ним приближался мокрый от пота велосипедист, ехавший по бульвару Макьявелли из города. Велосипед у него был лежащий, и педали он крутил босыми ногами.

Сиенна крикнула ему:

– Cos' è successo? – *Что там случилось?*

– E chi lo sa! – отозвался он раздраженно. *Откуда мне знать?* – Carabinieri. – Он продолжил свой путь, стараясь как можно скорее оказаться подальше.

Сиенна повернулась к Лэнгдону и нахмурилась.

– Дорогу перекрыла военная полиция.

Где-то вдалеке позади них послышался вой сирены, и Сиенна, повернувшись, бросила взгляд на бульвар Макьявелли, по которому они только что проехали. На ее лице отразился страх.

Нас загнали в капкан, подумал Лэнгдон, лихорадочно глядя по сторонам в поисках выхода – другой дороги, парка или проезда, –

но слева были только частные дома, а справа тянулась высокая каменная стена.

Вой сирен приближался.

– Туда! – показал Лэнгдон на безлюдную стройплощадку в тридцати ярдах впереди. На ней стояла передвижная бетономешалка, которая могла послужить хоть каким-то укрытием.

Резко рванув с места, Сиенна съехала на обочину, и через мгновение они оказались на стройплощадке. За бетономешалкой можно было спрятать только мопед – для них места уже не оставалось.

– За мной! – скомандовала Сиенна и бросилась к маленькой кладовке для инвентаря, приткнувшейся к каменной стене.

Это не кладовка, догадался Лэнгдон по запаху, стоило им оказаться ближе. Это переносной туалет.

Вой полицейских сирен раздавался уже совсем рядом. Сиенна рванула ручку двери туалета, но та не распахнулась – на ней висела массивная цепь с замком. Лэнгдон схватил Сиенну за руку и увлек за собой, показывая на узкий закуток между кабинкой и каменной стеной. Задыхаясь от зловония, они с трудом протиснулись в него и замерли.

В этот момент на дороге показался блестящий черный внедорожник с эмблемой и надписью «CARABINIERI» на борту. Машина медленно продолжила свой путь.

Итальянская военная полиция, подумал Лэнгдон, не веря своим глазам. Интересно, есть ли у них приказ сразу стрелять на поражение?

– Кому-то очень важно нас найти, – шепотом заметила Сиенна. – И им это удалось.

– Джи-пи-эс? – вслух предположил Лэнгдон. Может, в проекторе есть маячок?

Сиенна покачала головой.

– Поверьте, если бы эту штуку можно было отследить, то полиция нас бы уже схватила.

Лэнгдон пошевелился, пытаясь поудобнее расположить свое крупное тело в узком пространстве, и прямо под носом у него оказались неожиданно изящные рисунки, украшавшие заднюю стенку туалета.

Итальянцы есть итальянцы.

В Америке подобные туалеты были чаще всего разрисованы примитивным изображением огромных женских грудей или мужских гениталий. Но здесь граффити больше походило на наброски начинающего художника – человеческий глаз, умело прорисованная рука, профиль человека и сказочный дракон.

– В Италии не везде портят имущество с таким вкусом, – заметила Сиенна, явно прочитав его мысли. – Просто прямо за этой оградой располагается Академия изящных искусств.

Будто в подтверждение ее слов, вдалеке показалась группа студентов, которые направлялись в их сторону с альбомами для эскизов под мышкой. Они болтали, курили и бросали удивленные взгляды на столпотворение у Римских ворот.

Лэнгдон и Сиенна пригнулись пониже, чтобы студенты их не заметили, и неожиданно Лэнгдону пришла в голову одна любопытная мысль.

Закопанные вниз головой грешники с торчащими из земли ногами.

Возможно, его осенило из-за жуткого запаха человеческих испражнений, а может, причиной послужили босые ноги, которыми крутил педали встретившийся им велосипедист, но он вдруг вспомнил зловонный мир восьмого круга ада на рисунке и торчавшие из земли ноги и резко повернулся к своей спутнице.

– Сиенна, в нашей версии «Карты» торчащие ноги были в десятой Злой Щели, верно? Самой нижней в восьмом кругу ада?

Сиенна посмотрела на него с недоумением, не понимая, как можно об этом думать в такую минуту.

– Да, в самом низу.

На долю секунды перед глазами Лэнгдона вновь возник зал в Вене, где он читал лекцию, и его последние комментарии после

показа слайда с гравюрой Доре, изображавшей Гериона – крылатое чудовище с ядовитым шипом на хвосте, которое обитало над восьмым кругом.

– Прежде чем мы встретимся с Сатаной, – разнесся по залу голос Лэнгдона, усиленный динамиками, – нам предстоит пройти через десять рвов восьмого круга, где кара настигает обманщиков – тех, кто виновен в умышленном совершении зла.

Показав слайды с изображением восьмого круга, Лэнгдон провел слушателей по всем Злым Щелям.

– Если идти снизу вверх, мы видим следующее: сводников и обольстителей бесы хлещут кнутами... льстецы плавают в человеческих нечистотах... святокупцы закопаны вниз головой с торчащими наружу ногами... у прорицателей головы вывернуты назад... мздоимцы кипят в смоле... лицемеры изнемогают в свинцовых одеждах... воров жалят змеи... лукавые советчики охвачены языками пламени... зачинщиков раздора бесы разрывают на части... и, наконец, лжесвидетелей терзают страшные недуги. – Лэнгдон повернулся спиной к залу. – Скорее всего Данте приберег последний ров для лжесвидетелей, потому что именно ложные слухи стали причиной изгнания его из любимой Флоренции.

– Роберт? – окликнула его Сиенна, возвращая к реальности. – Что с вами?

Он поймал на себе ее вопрошающий взгляд.

– Наша версия «Карты ада», – взволнованно ответил он. – Ее изменили!

Он вытащил из кармана пиджака проектор и принялся трясти его, насколько позволяла теснота. Шарик внутри послушно загремел, но вой сирен перекрывал этот звук.

– В этом изображении порядок Злых Щелей восьмого круга ада изменен!

Убедившись, что прибор зарядился, Лэнгдон направил луч на стенку кабинки, и на ней высветилось яркое изображение «Карты ада».

Боттичелли на стене туалета, со стыдом подумал Лэнгдон. Более неподходящее место для демонстрации шедевра великого художника было невозможно себе представить. Лэнгдон взгляделся в десять ровов восьмого круга и возбужденно закивал.

– Точно! – воскликнул он. – Тут все неправильно! Последняя Злая Щель должна быть с лжесвидетелями, а не с закопанными вниз головой. Десятый ров уготован не для святокупцев, а для лжецов!

Сиенна явно заинтересовалась.

– Но... зачем кому-то понадобилось изменять порядок?

– *Catrovaser*, – прошептал Лэнгдон, разглядывая маленькие буквы, добавленные на изображение. – Думаю, что эти буквы говорят о другом.

Хотя полученное ранение и стерло воспоминания о последних двух днях, сейчас память работала очень четко. Закрыв глаза, Лэнгдон представил себе обе версии «Карты» и постарался найти между ними отличия. Изменений в восьмом круге оказалось меньше, чем он ожидал... и с его глаз словно спала пелена.

Все вдруг встало на свои места.

Ищите и обрящите!

– Что? – не выдержала Сиенна.

Во рту у Лэнгдона пересохло.

– Я знаю, зачем я оказался во Флоренции.

– Знаете?!

– Да, и знаю, куда должен идти.

Сиенна схватила его за руку.

– Куда?!

Лэнгдон чувствовал, что впервые с тех пор, как он очнулся в больнице, у него под ногами вновь оказалась твердая почва.

– Эти десять букв, – прошептал он, – указывают на конкретное место в Старом городе. Там все ответы.

– Но где именно в Старом городе? – спросила Сиенна. – Что вы поняли?

До них донесся смех проходившей мимо другой группы студентов. Они обменивались шутками, болтая на разных языках. Осторожно выглянув из-за кабинки, Лэнгдон проводил их взглядом и убедился, что полицейских поблизости нет.

– Надо идти. Я объясню по дороге.

– По дороге?! – переспросила Сиенна. – Но нам ни за что не пройти через Римские ворота!

– Подождите здесь тридцать секунд, – велел ей Лэнгдон, – а потом догоняйте.

С этими словами он вылез из убежища и исчез, оставив свою спутницу недоумевать в одиночестве.

Глава 21

– Scusi!^[12] – крикнул Роберт Лэнгдон по-итальянски, догоняя студентов. – Scusate!

Они обернулись, и Лэнгдон стал озираться по сторонам, будто потерявшийся турист.

– Dov'è l'Istituto statale d'arte? – произнес он на ломаном итальянском. *Где Академия изящных искусств?*

Парень в татуировках выпустил облако дыма и презрительно бросил:

– Non parliamo italiano^[13]. – Акцент у него был французский.

Одна из девушек укоризненно на него посмотрела и вежливо ответила, показывая на Римские ворота:

– Più avanti, sempre dritto.

Впереди, все время прямо, мысленно перевел Лэнгдон.

– Grazie.

В этот момент из-за туалетной кабинки незаметно выскользнула Сиенна и подошла к ним. Лэнгдон приветственно положил руку ей на плечо, и студенты заинтересованно уставились на привлекательную стройную женщину.

– Это моя сестра, Сиенна. Она преподаватель живописи.

– Я бы не прочь у нее поучиться, – пробормотал парень с татуировкой, и его дружки засмеялись.

Лэнгдон пропустил это мимо ушей.

– Мы приехали во Флоренцию подыскать место для годичной стажировки. Можно мы пойдём с вами?

– *Ma certo*, – ответила итальянка с улыбкой. *Конечно*.

Когда они подошли к полицейским у входа в Римские ворота, Сиенна завязала оживленную беседу со студентами, а Лэнгдон, сгорбившись, держался в середине группы, стараясь не привлекать к себе внимания.

Ищите и обрящите, подумал Лэнгдон, чувствуя, как учащается пульс при мысли о десяти рвах восьмого круга ада.

Catrovacer. Лэнгдон вспомнил, что с этими десятью буквами была связана одна из самых интригующих тайн многовековой давности, которую так и не удалось разгадать. В 1563 году эти буквы были нанесены на внутреннюю стену знаменитого флорентийского палаццо Веккьо на высоте около сорока футов, и разглядеть их без бинокля чрезвычайно трудно. Будучи на самом виду, эти буквы веками оставались незамеченными, пока в 1970-х годах их не обнаружил один искусствовед, теперь тоже очень известный. Несколько десятилетий он и другие исследователи пытались раскрыть их смысл, но, несмотря на многочисленные гипотезы, все их усилия оказались тщетными.

После бурных и опасных событий Лэнгдон радовался возможности снова оказаться в родной стихии. Как-никак, история искусств и древние тайны были ему куда ближе биологически опасных цилиндров и перестрелок.

Впереди к Римским воротам подъезжали новые патрульные машины с подкреплением.

– Обалдеть! – сказал парень с татуировками. – Похоже, тот, кого ищут, и вправду опасен.

Группа подошла к главным воротам Академии изящных искусств, где собралась толпа студентов, чтобы поглазеть на происходящее у Римских ворот. Охранник колледжа, нанятый за мизерное жалованье, рассеянно скользил взглядом по студенческим пропускам – проводимая полицией операция интересовала его куда больше.

С площади донесся громкий визг тормозов, и к Римским воротам подлетел так хорошо знакомый беглецам черный фургон.

Пора уносить ноги.

Воспользовавшись удобным моментом, они с Сиенной смешались с группой своих новых знакомых и проскользнули мимо охранника на территорию Академии.

Аллея, ведущая ко входу в Академию изящных искусств, могла бы украсить любой дворец. По обеим ее сторонам росли могучие дубы, чьи густые кроны казались балдахинном, накрывавшим стоявшее вдалеке огромное желтое здание с тройным портиком и просторной овальной лужайкой.

Лэнгдон знал, что это здание, как и многие другие в городе, было возведено по заказу знаменитой династии, правившей Флоренцией на протяжении пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого веков.

Медичи.

Само это имя стало символом Флоренции. За три столетия своего правления королевский дом Медичи нажил сказочные богатства и приобрел огромное влияние: он дал миру четырех пап, двух королей Франции и создал крупнейшую в Европе финансовую империю. Современные банки и поныне используют изобретенную Медичи систему бухгалтерского учета, основанную на дебете и кредите.

Однако величайшее наследие Медичи – не финансы или политика, а искусство. Будучи чуть ли не самыми щедрыми меценатами за всю историю человечества, Медичи не жалели денег на заказы, которым эпоха Возрождения обязана своим расцветом. Среди знаменитостей, пользовавшихся покровительством семьи, значатся и Леонардо да Винчи, и Галилей, и Боттичелли, а самая

известная картина последнего – «Рождение Венеры» – была написана по заказу Лоренцо Медичи в качестве свадебного подарка кузену. Он хотел, чтобы над брачным ложем кузена висела картина, пробуждавшая желание.

Лоренцо Медичи, получивший за щедрость прозвище Великолепный, будучи и сам превосходным поэтом и художником, обладал прекрасным художественным чутьем. В 1489 году ему приглянулась работа молодого флорентийского скульптора, и он пригласил его пожить во дворце Медичи, где тот смог бы совершенствовать свое мастерство под влиянием чудесных живописных полотен, украшавших стены дворца, утонченной поэзии и высокой культуры. Под покровительством Медичи талант юноши расцвел, и в конце концов он изваял две самые знаменитые в мире скульптуры – «Оплакивание Христа» и «Давида». Сегодня мы знаем его как Микеланджело – гениального творца, которого иногда называют величайшим подарком Медичи человечеству.

Учитывая, с каким пиететом Медичи относились к искусству, подумал Лэнгдон, им было бы приятно узнать, что здание, в котором первоначально размещались их конюшни, теперь служит домом Академии изящных искусств. Это тихое место, где сейчас черпают вдохновение молодые художники, было выбрано для конюшен из-за близости к самой живописной и удобной для верховой езды местности во всей Флоренции.

Сады Боболи.

Лэнгдон перевел взгляд влево, где за высокой стеной виднелись верхушки деревьев. Раскинувшиеся на обширной территории сады давно стали туристической достопримечательностью. Лэнгдон не сомневался, что, если им с Сиенной удастся туда попасть, они смогут пройти через них и оказаться в Старом городе, минуя Римские ворота. В случае чего, там было где укрыться: обширный парк изобиловал деревьями, лабиринтами, гротами и нимфеями. Но самое главное, пройдя через сады Боболи, они окажутся у палаццо Питти – каменной цитадели, некогда служившей резиденцией

Медичи. Сто сорок залов палаццо были одной из самых посещаемых туристических достопримечательностей Флоренции.

Если мы доберемся до палаццо Питти, подумал Лэнгдон, то оттуда до моста в Старый город будет рукой подать.

– А как нам попасть в сады? – с деланным безразличием поинтересовался Лэнгдон, кивая в сторону высокой стены, за которой раскинулся парк. – Я бы показал их сестре, пока мы не застряли в Академии.

Парень с татуировкой покачал головой.

– Отсюда нельзя попасть в сады. Вход в них со стороны палаццо Питти. Надо войти через Римские ворота и обогнуть парк.

– Не гоните! – вмешалась Сиенна.

Все, включая Лэнгдона, изумленно на нее уставились.

– Да ладно, – продолжила она с понимающей ухмылкой, накручивая на палец прядь волос. – Хотите сказать, что никогда туда не пробирались покурить травку и подурачиться?

Студенты переглянулись и дружно расхохотались.

Парень с татуировкой был сражен наповал.

– Мэм, вы просто обязаны здесь преподавать. – Он подвел Сиенну к углу здания и показал на раскинувшуюся сзади парковку. – Видите там слева в углу сарайчик? За ним стоит платформа. Нужно затащить ее на крышу, залезть по ней на забор и спрыгнуть с другой стороны.

Сиенна уже шагала туда. Она оглянулась на Лэнгдона и бросила ему с насмешливой улыбкой:

– Пошли, братик Боб. Или ты слишком стар, чтобы лазить через заборы?

Глава 22

Женщина с серебристыми волосами прислонилась головой к пуленепробиваемому стеклу и закрыла глаза. Вокруг все плыло. От препаратов, которыми ее накачали, ей было нехорошо.

Мне нужен врач, подумала она.

Но у сидевшего рядом вооруженного охранника был строгий приказ: до успешного завершения операции никак не реагировать на ее состояние. Однако судя по доносившимся звукам, до этого было еще далеко.

Тошнота усилилась, и женщине стало трудно дышать. Подавив приступ, она задумалась, как могло получиться, что она оказалась в столь незавидном положении. Найти ответ в ее нынешнем состоянии не представлялось возможным, но она четко знала, с чего все началось.

Нью-Йорк.

Два года назад.

Она прилетела в Манхэттен из Женевы, где уже десять лет занимала исключительно важный и престижный пост руководителя Всемирной организации здравоохранения. Будучи видным специалистом по инфекционным заболеваниям и эпидемиологии, она получила приглашение выступить в ООН с лекцией о предотвращении пандемий в странах третьего мира. В своем выступлении, проникнутом оптимизмом, она рассказала о системах раннего обнаружения заболеваний и новых методах лечения, разработанных ВОЗ и другими организациями. Ей аплодировали стоя.

Когда после лекции она разговаривала в фойе с несколькими известными учеными, к ней подошел сотрудник ООН – судя по надписи на его бейдже, весьма высокопоставленный, – и прервал их беседу.

– Доктор Сински, с нами только что связались из Совета по международным отношениям. С вами очень хочет поговорить один человек. Машина ждет.

Озадаченная и слегка встревоженная, доктор Элизабет Сински извинилась перед коллегами и забрала свою сумочку. Лимузин помчал ее по Первой авеню, и она почувствовала, что почему-то нервничает.

Совет по международным отношениям?

Как и все, Элизабет Сински о нем слышала.

СМО был основан в 1920-х годах как частный аналитический центр, и с тех пор его членами были с полдюжины президентов, почти все государственные секретари, большинство руководителей ЦРУ, сенаторы, судьи и представители таких знаменитых династий, как Морганы, Ротшильды и Рокфеллеры. Благодаря уникальному сочетанию интеллектуального потенциала, политического влияния и капитала Совет по международным отношениям по праву считался «самым влиятельным частным клубом в мире».

Как главе Всемирной организации здравоохранения Элизабет часто приходилось иметь дело с сильными мира сего. Ее продолжительный опыт работы в ВОЗ вкупе с решительностью суждений был незадолго до этого высоко оценен одним авторитетным журналом, включившим доктора Сински в список двадцати самых влиятельных людей мира. Под ее фотографией в журнале поместили подпись «Лицо мирового здоровья», что она восприняла с известной иронией, поскольку в детстве была очень болезненным ребенком.

В шесть лет ее начали лечить от тяжелой формы астмы многообещающим новым препаратом. Это был первый из полученных глюкокортикостероидов – стероидных гормонов, производимых корой надпочечников, – который чудесным образом прекратил приступы астмы. Однако годы спустя, когда наступил период полового созревания, проявились непредвиденные побочные эффекты. У Элизабет так и не наступили менструации. Она никогда не забудет того ужасного дня, когда врач сообщил ей, девятнадцатилетней, что у нее необратимое повреждение репродуктивной системы и она никогда не сможет иметь детей.

Время залечит боль, сказал тогда доктор, но горечь и ощущение пустоты так и не ушли. По жестокой иронии, лекарства, лишившие ее способности зачать ребенка, никак не сказались на заложенном природой материнском инстинкте, и она десятилетиями мучительно

подавляла в себе несбыточное желание иметь ребенка. Даже сейчас, в шестьдесят один год, каждый раз при виде матери с малышом у нее по-прежнему щемило сердце.

– Мы почти приехали, доктор Сински, – сообщил водитель лимузина.

Элизабет провела расческой по длинным серебристым локонам и посмотрелась в зеркальце. Автомобиль остановился в фешенебельном квартале Манхэттена, и водитель помог ей выйти из машины.

– Я подожду здесь, – сказал он, – и отвезу вас в аэропорт, когда вы освободитесь.

Нью-йоркская штаб-квартира Совета по международным отношениям располагалась в неброском здании в неоклассическом стиле на углу Парк-авеню и Шестьдесят восьмой улицы, в котором некогда обитал нефтяной магнат из «Стандард ойл». Оно безупречно вписывалось в элегантный окружающий ландшафт, ничем не выдавая своего нынешнего назначения.

– Доктор Сински, – приветствовала ее представительного вида дама в приемной. – Проходите, пожалуйста. Вас ожидают.

Да, но кто?

Элизабет последовала за женщиной по роскошному коридору, и они остановились у закрытой двери. Секретарша тихонько постучала, после чего открыла дверь и жестом пригласила ее войти.

Элизабет вошла, и дверь за ними закрылась.

В небольшой переговорной царил полумрак – свет излучал только большой включенный экран. Перед ним стоял высокий худощавый человек. Его лица она не видела, но в комнате ощущалась аура власти.

– Доктор Сински, – его резкий голос выдавал привычку повелевать, – спасибо, что откликнулись на мое приглашение.

Судя по характерному акценту, он был выходцем из родной для Элизабет Швейцарии или, возможно, Германии.

– Прошу вас, присядьте, – пригласил он, показывая на кресло, стоявшее рядом.

Что, он так и не представится? Элизабет села. При виде странной картины, выведенной на экран, ее беспокойство лишь возросло. *Да что тут происходит?*

– Я был на вашей презентации сегодня утром, – произнес мужчина. – Я проделал большой путь, чтобы вас послушать. Весьма впечатляюще.

– Благодарю вас, – ответила она.

– Я позволю себе добавить, что вы намного красивее, чем мне представлялось... несмотря на возраст и неадекватную оценку положения дел в мировом здравоохранении.

Элизабет опешила. Его замечание было в высшей степени оскорбительным.

– Прошу прощения, – сказала она, вглядываясь в темноту. – Да кто вы такой? И зачем меня сюда пригласили?

– Извините за неудачную попытку пошутить. А почему вы здесь, объясняет изображение на экране.

Сински перевела взгляд на экран – на нем была картина, изображавшая толпы страдальцев, в отчаянии заламывающих руки в плотном скоплении нагих тел.

– Великий художник Гюстав Доре, – провозгласил незнакомец. – Его изображение преисподней, описанной Данте Алигьери, отличается особой безжалостностью. Полагаю, вас это ничуть не смущает... ведь именно такое будущее уготовано человечеству. – Он помолчал и медленно направился к ней. – Позвольте мне объяснить почему.

Казалось, с каждым шагом его фигура становилась все выше и выше.

– Если я возьму лист бумаги и разорву его на две части... – Остановившись у стола, он взял лист и с треском его разорвал. – А потом сложу половинки вместе и опять разорву, – продолжал он, сопровождая свои слова действием, – то в результате получу стопку

бумаги в четыре раз толще оригинала, верно? – Его глаза мрачно мерцали в полумраке.

Элизабет не нравились ни его снисходительный тон, ни наглость, и она промолчала.

– Рассуждая гипотетически, – продолжал он, подходя ближе, – если толщина первоначального листа была всего одна десятая миллиметра, а я, к примеру, проделаю эту процедуру *пятьдесят* раз... вы представляете, какой толщины будет стопка из обрывков?

Элизабет разозлилась.

– Представляю, – заверила она с бОльшим раздражением, чем хотела показать. – Одна десятая миллиметра, умноженная на два в пятидесятой степени. Это называется геометрической прогрессией. Могу я поинтересоваться целью нашей встречи?

Незнакомец ухмыльнулся и одобрительно кивнул.

– Все правильно, а вы представляете, что это за величина? Одна десятая миллиметра, умноженная на два в пятидесятой степени? Какой высоты будет эта стопка бумаги? – Он помолчал и продолжил: – Всего после пятидесяти разрывов пополам наша стопка вырастет... до самого Солнца.

Элизабет это ничуть не удивило. С невероятной мощью геометрической прогрессии она постоянно сталкивалась в своей работе. *Распространение инфекций... удвоение зараженных клеток... статистика смертности...*

– Прошу прощения за бестолковость, – произнесла она, уже не скрывая раздражения, – но я не понимаю, к чему все это.

– К чему? – хмыкнул он. – А к тому, что рост человеческой популяции происходит еще быстрее. Население земли, подобно первым листам в стопке, было весьма скромным... но обладало огромным потенциалом. – Он снова принялся расхаживать по комнате. – Подумайте вот о чем. Человечеству потребовались тысячи лет – от появления первых людей на планете до начала девятнадцатого века, – чтобы его численность достигла *одного* миллиарда человек. А затем – поразительно, правда? – в одна

тысяча девятьсот двадцатых годах, то есть всего за какую-то сотню лет, в мире стало проживать уже *два* миллиарда. Еще через пятьдесят лет эта цифра удвоилась, и в семидесятых годах на планете жили *четыре* миллиарда человек. Как вы знаете, сейчас мы подбираемся к цифре в восемь миллиардов. За один сегодняшний день человечество выросло на четверть миллиона человек. Четверть миллиона! И так каждый день, в любую погоду. За год человечество увеличивается на население целой Германии. – Высокий незнакомец остановился и склонился над Элизабет. – Сколько вам лет?

Еще один бестактный вопрос, но, будучи главой ВОЗ, она научилась реагировать дипломатично на оскорбительные выпады.

– Шестьдесят один.

– А вы в курсе, что если проживете до восьмидесяти, то есть еще девятнадцать лет, то за вашу жизнь население утроится? *Одна* жизнь – а людей *втрое* больше. Подумайте о последствиях. Вы знаете, что Всемирная организация здравоохранения уточнила свои прогнозы и к середине нынешнего века ожидает рост населения планеты до девяти миллиардов человек. Животные разных видов вымирают на глазах. Спрос на иссякающие природные ресурсы становится запредельным. Нехватка питьевой воды ощущается все острее. По любым биологическим меркам, наш вид уже превысил жизнеспособную численность. А перед лицом этой настоящей катастрофы Всемирная организация здравоохранения – этот страж здоровья нашей планеты – продолжает инвестировать в разные проекты, вроде лечения диабета, создания банков крови и борьбы с раком. – Он замолчал и устремил на нее испытующий взгляд. – И я привез вас сюда, чтобы спросить: какого черта Всемирная организация здравоохранения закрывает глаза на надвигающуюся катастрофу и не пытается сделать хоть что-то?

Внутри у Элизабет все кипело от возмущения.

– Кем бы вы ни были, вам должно быть отлично известно, что ВОЗ относится к проблеме перенаселения более чем серьезно. Недавно мы потратили миллионы долларов, чтобы отправить в Африку

врачей, которые раздавали местным жителям бесплатные презервативы и учили их контролировать рождаемость.

– Ну да, конечно! – Долговязый не скрывал сарказма. – А по пятам ваших врачей отправилась целая армия католических миссионеров, которые доходчиво объяснили африканцам, что использование презервативов прямиком отправит их в ад. И теперь в Африке новая напасть – свалки забиты неиспользованными презервативами, отчего страдает окружающая среда.

Элизабет не нашлась, что возразить. Тут он был прав, хотя современные католики и начали выступать против вторжения Ватикана в сферу интимных отношений. Так, Мелинда Гейтс, самая рьяная католичка, отважилась пожертвовать пятьсот шестьдесят миллионов долларов на улучшение ситуации с контролем над рождаемостью, рискуя навлечь на себя гнев своей церкви. Элизабет Сински не раз публично заявляла, что Билл и Мелинда Гейтс заслуживают канонизации за вклад своего фонда в решение мировых проблем здравоохранения. Однако единственный институт, способный причислить их к лику святых, почему-то не видел в их деятельности ничего христианского.

– Доктор Сински, – продолжал мужчина, больше похожий на призрак, – ВОЗ не желает признавать, что в сфере мирового здравоохранения есть только одна проблема. – Он снова показал на экран с изображением жуткого скопления корчившихся людей. – Вот она! – Помолчав, он добавил: – Насколько я понимаю, вы – ученый, а не специалист по классической литературе или изящным искусствам, поэтому позвольте мне показать вам другое изображение, которое, возможно, будет понятнее.

На мгновение в переговорной стало темно, но экран тут же снова засветился. На нем был график, который Элизабет видела много раз... И он неизменно вызывал у нее гнетущее чувство безысходности.

В комнате повисла гнетущая тишина.

– Да, – наконец нарушил молчание долговязый незнакомец. – Немой ужас – более чем адекватная реакция на этот график. Смотреть на него все равно что не сводить глаз с фары несущегося на вас поезда. – Он повернулся к Элизабет и снисходительно улыбнулся. – Есть вопросы, доктор Сински?

– Только один, – резко бросила она. – Зачем вы меня пригласили – прочесть лекцию или унижить?

– Ну что вы, ни в коем случае. – В его голосе вдруг зазвучали льстивые нотки, отчего по спине у нее пробежал холодок. – Я пригласил вас поговорить о сотрудничестве. У меня нет сомнений, что перенаселение вы считаете проблемой здравоохранения. Но боюсь, что вы не понимаете другого – оно калечит саму душу человека. В условиях перенаселенности те, кто никогда не помышлял о воровстве, начнет красть, чтобы прокормить свои семьи. Кто никогда не помышлял об убийстве, начнет убивать, чтобы вырастить свое потомство. Все описанные Данте смертные грехи – алчность, чревоугодие, вероломство, убийство и прочее – обретут благодатную почву и расцветут пышным цветом, набирая силу по мере исчезновения привычных благ. Нам предстоит сражение за саму человеческую душу.

– Я – биолог. Я спасаю жизни... а не души.

– Что ж, могу вас заверить, что спасти жизни в предстоящие годы станет намного сложнее. Перенаселение чревато не только духовным падением. У Макьявелли есть пассаж...

– Да, – перебила она, вспоминая знаменитую цитату – «Когда все области переполняются жителями так, что им негде жить и некуда уйти... возникает необходимость очищения мира»^[14]. – Она посмотрела на незнакомца. – Во Всемирной организации здравоохранения эти слова знают все.

– Отлично, тогда вы, наверное, знаете, что дальше Макьявелли называет чуму естественным способом самоочищения мира.

– Да, и, как я и отмечала в выступлении, нам хорошо известно о прямой связи между плотностью населения и вероятностью

опустошительных эпидемий, но мы постоянно разрабатываем новые методы обнаружения болезней на ранней стадии и их лечения. ВОЗ уверена, что нам удастся предотвратить пандемии.

– Очень жаль.

– Прошу прощения? – Элизабет не могла скрыть изумления.

– Доктор Сински, – произнес незнакомец со смешком, – вы говорите так, будто недопущение эпидемии является благом.

Не веря своим ушам, она ошарашенно не сводила с него глаз.

– В том-то и проблема, – произнес долговязый тоном адвоката, излагающего на суде позицию защиты. – Вот передо мной глава Всемирной организации здравоохранения – самый лучший из ее сотрудников. Но это же ужасно, если оценить непредвзято. Я показал вам картину грядущего страдания. – Он снова вернул на экран изображение корчившихся в агонии тел и кивнул в сторону маленькой стопки порванных бумаг. – Я напомнил о чудовищной опасности, которую несет с собой бесконтрольный рост населения. Я объяснил, что мы стоим на пороге духовного падения.

Он помолчал и повернулся к Элизабет, глядя ей прямо в глаза.

– И какой же была реакция? Бесплатные презервативы в Африке! – Мужчина язвительно рассмеялся. – Да это все равно что отмахиваться мухобойкой от падающего метеорита! Эта бомба замедленного действия больше не тикает. Она уже взорвалась, и без решительных мер геометрическая прогрессия станет вашим новым богом... А этот бог очень мстителен. И устроит Дантов ад прямо здесь, на Парк-авеню... Толпы людей будут утопать в собственных нечистотах. Естественный отбор, устроенный самой Природой.

– В самом деле? – огрызнулась Элизабет. – Так скажите мне, сколько, по-вашему, людей должно жить на земле? Назовите то заветное число, при котором человечество сможет бесконечно поддерживать свое существование... в относительном комфорте?

Незнакомец улыбнулся: вопрос ему явно понравился.

– Любой эколог или статистик вам скажет, что наилучшие шансы на выживание имеет человечество общей численностью порядка

четырёх миллиардов.

– *Четыре* миллиарда?! – язвительно переспросила Элизабет. – Нас уже семь миллиардов, так что вы слегка опоздали со своими идеями.

Зеленые глаза незнакомца сверкнули:

– Вы в этом уверены?

Глава 23

Спрыгнув со стены, Роберт Лэнгдон грузно плюхнулся на рыхлую почву лесистой южной части садов Боболи. Сиенна приземлилась рядом и тут же выпрямилась, отряхиваясь и озираясь по сторонам.

Они стояли на поросшей мхом и папоротником полянке посреди небольшой рощицы. Отсюда палаццо Питти было совсем не видно, и Лэнгдон подумал, что они, наверное, находятся в самом удаленном от него месте парка. Зато в этот ранний час тут не было ни служителей, ни туристов.

Лэнгдон посмотрел на покрытую гравием дорожку, которая живописно спускалась под гору и ныряла в лес. Там, где она исчезала среди деревьев, стояла мраморная статуя – идеальное место, чтобы привлечь к ней взгляд. Лэнгдона это не удивляло. Планировкой садов Боболи занимались выдающиеся мастера Никколо Триболо, Джорджо Вазари и Бернардо Буонталенти, чей художественный вкус превратил это полотно площадью в сто одиннадцать акров в настоящий шедевр.

– Дворец расположен на северо-востоке, так что дорожка должна привести к нему, – сказал Лэнгдон. – Там мы можем смешаться с толпой туристов и незаметно выйти. По-моему, парк открывается в девять. – Он машинально опустил взгляд, чтобы посмотреть, который час, но часов с Микки-Маусом не было на запястье.

Лэнгдон подумал, что они могли быть в больнице вместе с остальными вещами, но не знал, доведется ли ему когда-нибудь

увидеть их снова.

Сиенна с решительным видом преградила ему дорогу.

– Роберт, прежде чем мы тронемся в путь, я хочу знать, куда вы собираетесь идти. Что вы поняли про восьмой круг ада? Вы сказали, что порядок рвов изменен?

Лэнгдон показал на росшие впереди деревья.

– Давайте сначала уйдем с открытого пространства.

Он повел ее по дорожке, которая вскоре привела на закрытую со всех сторон маленькую лужайку – «комнату» на языке ландшафтной архитектуры – со скамейками и небольшим фонтанчиком. В замкнутом пространстве под кронами деревьев было гораздо прохладнее.

Достав из кармана проектор, Лэнгдон принялся его энергично трясти.

– Сиенна, человек, создавший это цифровое изображение, не только добавил буквы на ногах грешников, но и изменил порядок Злопазух.

Он взобрался на скамью и, выпрямившись, направил луч проектора себе под ноги. На гладкой поверхности сиденья рядом с Сиенной показалось неяркое на свету изображение «Карты ада» Боттичелли.

Лэнгдон указал на участок с ярусами в нижней части воронки.

– Видите буквы в десяти Злых Щелях восьмого круга?

Сиенна прочла их сверху вниз:

– Catrovaser.

– Верно. И в этом нет никакого смысла.

– Но потом вы сообразили, что порядок Злых Щелей перетасовали?

– Даже проще. Если сравнить эти рвы с колодой из десяти карт, то ее не тасовали, а просто дали снять. После этого карты идут в том же порядке, но начинаются с другой. – Лэнгдон показал на десять Злых Щелей восьмого круга. – Согласно тексту Данте, в первом рву должны быть сводники и обольстители, которых бесы хлещут

кнути. А на этом изображении мы видим бесов... аж в седьмой Злопазухе.

Сиенна взгляделась в начавшее тускнеть изображение и кивнула.

– Да, я вижу. Первая Злопазуха теперь стала седьмой.

Лэнгдон убрал проектор в карман и спрыгнул со скамейки на дорожку. Затем подобрал прутик и принялся чертить буквы на голой земле возле дорожки.

– Вот в каком порядке идут буквы в измененной версии ада.

C
A
T
R
O
V
A
C
E
R

– Catrovacer, – прочитала Сиенна.

– Да, а вот где нашу «колоду» сняли.

Лэнгдон провел линию под седьмой буквой и показал Сиенне, что получилось.

C
A
T
R
O
V
A
–

C
E
R

– Ну да, – быстро отреагировала она. – Catrova. Cer.

– Верно, а чтобы восстановить прежний порядок карт в колоде, надо нижнюю часть вернуть наверх. Поменять половинки местами.

Сиенна вновь принялась разглядывать буквы.

– Cer. Catrova, – прочитала она и непонимающе пожала плечами. – Все равно какая-то бессмыслица...

– Cer catrova, – повторил Лэнгдон и после паузы объединил две части в одно слово: – Cercatrova. – Затем произнес две части слова по-другому: – Cerca... trova.

Сиенна, охнув, подняла на него взгляд.

– Да, – подтвердил Лэнгдон с улыбкой. – Cerca trova.

Два итальянских слова cerca и trova означали «искать» и «находить». А после объединения в cerca trova они превращались в библейское «ищите и обрящете».

– Ваши галлюцинации! – воскликнула Сиенна изумленно. – Женщина с вуалью! Она же все время повторяла: «Ищите и обрящете»! – Она вскочила на ноги. – Роберт, вы понимаете, что это означает? Эти слова уже находились в вашем подсознании! Неужели вы сами не видите? Вы наверняка уже расшифровали эту фразу перед тем, как попали в больницу! И точно видели это изображение... но забыли!

А ведь она права, подумал Лэнгдон. Он был целиком поглощен расшифровкой, и мысль о том, что он мог заниматься этим раньше, даже не пришла ему в голову.

– Роберт, вы говорили, что «Карта ада» указывает на конкретное место в Старом городе. Но я не понимаю, какое именно.

– Слова «cerca trova» ни о чем вам не говорят?

Сиенна пожала плечами.

Лэнгдон внутренне улыбнулся. *Наконец-то нашлось нечто, чего Сиенна Брукс не знает.*

– Судя по всему, фраза однозначно указывает на знаменитую фреску в палаццо Веккьо, а именно на «Битву при Марчиано» Джорджо Вазари в Зале пятисот. В самом верху картины художник вывел крошечными, едва различимыми буквами серса trova. Существует множество гипотез, зачем Вазари это сделал, но ни одна из них не получила убедительного доказательства.

Неожиданно сверху послышалось жужжание маленького летательного аппарата, который начал кружить над лужайкой. Лэнгдон с Сиенной замерли, надеясь, что кроны деревьев их скроют, и аппарат, пролетев прямо над ними, направился дальше.

– Игрушечный вертолет, – сообщил Лэнгдон, с облегчением переводя дух и провожая взглядом удалявшуюся радиоуправляемую модель длиной около трех футов, походившую на гигантского рассерженного комара.

– Не высовывайтесь! – велела Сиенна, явно встревожившись.

И действительно, маленький вертолет развернулся и полетел назад над самыми верхушками деревьев, прочесывая лужайку слева.

– Это не игрушка, – прошептала она, – а разведывательный беспилотник. Думаю, что он оборудован камерой, которая посылает кому-то изображение в реальном времени.

Лэнгдон, сжав зубы, наблюдал, как вертолет удаляется туда, откуда появился, – к Римским воротам и Академии изящных искусств.

– Я не знаю, что вы сделали, – заметила Сиенна, – но очень влиятельные люди стремятся отыскать вас во что бы то ни стало.

Вертолет снова развернулся и пролетел над стеной в том месте, где они с нее срыгнули.

– Наверное, кто-то видел нас у Академии и рассказал об этом, – предположила Сиенна, направляясь дальше по дорожке. – Надо убираться отсюда. И поскорее!

Воспользовавшись тем, что беспилотник был занят прочесыванием участка у стены, Лэнгдон быстро стер ногой написанные на земле буквы и устремился вслед за Сиенной, продолжая лихорадочно размышлять о фразе «сегса троа», фреске Джорджо Вазари и предположении Сиенны, что он уже расшифровал послание, скрытое в изображении проектора. *Ищите и обрящете.*

Когда они добрались до второй полянки, Лэнгдона вдруг осенило. Он замер как вкопанный, на его лице заиграла улыбка.

Сиенна тоже остановилась.

– Роберт? В чем дело?

– Я невиновен! – объявил он.

– Вы о чем?

– За мной гонятся... и я подумал, что, наверное, совершил что-то ужасное.

– Да, и в больнице вы бредили и повторяли слово «визири».

– Знаю, но я думал, что говорю по-английски.

Сиенна озадаченно на него посмотрела.

– Но вы и говорили по-английски!

Голубые глаза Лэнгдона светились торжеством.

– Сиенна, когда я говорил «визири», я не имел в виду ничего такого. Я бредил о тайном послании на фреске в палаццо Веккьо. – В ушах у него и сейчас звучали слова, сказанные им в бреду и прослушанные в записи. *Визири... визири...*

Вид у Сиенны был озадаченный.

– Неужели вы еще не догадались? – с улыбкой поинтересовался Лэнгдон. – Я говорил не «визири». Я называл имя художника – *Вазари!*

Глава 24

Вайента резко затормозила. Ее мотоцикл с визгом вильнул и, прочертив на асфальте бульвара Поджо-Империале длинный след, замер перед неожиданным скоплением машин.

Этого еще не хватало!

Вытянув голову, Вайента смотрела вперед, пытаясь понять, в чем причина затора. Ей уже пришлось сделать большой крюк, чтобы избежать встречи с командой СНР и суеты у жилого дома, и теперь она спешила в Старый город, чтобы забрать вещи из гостиницы, где она жила последние несколько дней.

Меня отстранили, значит, надо смыться как можно скорее!

Однако полоса невезения, судя по всему, еще не кончилась. Дорога, которую Вайента выбрала для возвращения в Старый город, была заблокирована. Не в силах ждать, она завела мотоцикл и, лавируя по узкому проходу между машинами, ехала вперед, пока перекресток не стал виден целиком. У Римских ворот, ведущих в Старый город, сходились шесть разных дорог, и кольцевая развязка на площади была одной из самых загруженных во всей Флоренции.

Что, черт возьми, там происходит?

Теперь Вайенте было видно, что площадь кишела полицейскими – судя по всему, они проводили какую-то облаву. Но вдруг в самом центре столпотворения ее взгляд привлек знакомый черный фургон, увидеть который она никак не ожидала. Вокруг него несколько агентов в черном раздавали приказы полицейским. Вне всякого сомнения, это были люди из СНР, но Вайента не могла понять, что они тут делают.

Разве что...

Она с трудом сглотнула, не в силах представить, что такое возможно. Неужели Лэнгдон сумел ускользнуть и от Брюдера тоже? Но этого просто не может быть – у него же не было никаких шансов. С другой стороны, Лэнгдон действовал не в одиночку, а в изворотливости его светловолосой спутницы Вайента уже убедилась на собственном опыте.

Неподалеку появился полицейский, который переходил от машины к машине, показывая сидящим в них людям фотографию привлекательного мужчины с густыми каштановыми волосами. Вайента сразу узнала в нем Роберта Лэнгдона, и от радости сердце у нее едва не выпрыгнуло из груди.

Брюдер упустил его...

Лэнгдон по-прежнему в игре!

Будучи опытным стратегом, Вайента тут же стала прикидывать, чем это может быть ей полезно.

Вариант номер один – бегство.

Вайента провалила очень важное для Ректора задание, за чем последовало ее отстранение. Если повезет, то все ограничится формальным расследованием, и не исключено, что никакого повышения по службе больше никогда не будет. Если же, однако, ей не повезет и она неадекватно оценивает степень недовольства Ректора, остаток жизни ей придется провести, постоянно оглядываясь и испытывая страх, что люди Консорциума вот-вот до нее доберутся.

Но теперь появился и другой вариант.

Успешно завершить порученную ей операцию.

Продолжать выполнение операции было прямым нарушением протокола дезавуирования, но если Лэнгдон оставался на свободе, у Вайенты появлялся шанс исполнить первоначальный приказ и довести дело до конца.

Если Брюдеру не удастся поймать Лэнгдона, подумала она, и ее пульс участился, а я справлюсь...

Вайента понимала, что шансов у нее практически нет, но если Лэнгдону удалось оторваться от Брюдера, а она сможет оказаться в нужном месте и закончить начатое, то в одиночку избавит Консорциум от неприятностей, и Ректор будет вынужден проявить к ней снисходительность.

Я сохраню работу, подумала она. А может, даже получу повышение.

Вайента сразу поняла, что теперь все ее будущее зависит от исхода этого дела. *Я должна разыскать Лэнгдона... раньше, чем его найдет Брюдер.*

Это будет непросто. В распоряжении Брюдера имелись неограниченные человеческие ресурсы и самые передовые технологии. Вайента же действовала в одиночку. Однако у нее была ниточка, о которой не знали ни Брюдер, ни Ректор, ни полиция.

Я знаю, куда Лэнгдон может направиться.

Поддав газу, она развернула мотоцикл на сто восемьдесят градусов и помчалась в обратном направлении.

Понте-алле-Грацие, подумала она о мосте через реку Арно в северной части Флоренции. В Старый город можно попасть не только через Римские ворота.

Глава 25

Значит, это было имя художника, вертелось в голове у Лэнгдона.

– Вазари, – запинаясь, произнесла Сиенна, невольно сделав шаг назад. – Художник, который так искусно спрятал на фреске слова «serca trova».

Лэнгдон не мог сдержать довольной улыбки. *Вазари. Вазари.* Это не только проливало свет на его злоключения в последние сутки, но и освобождало от переживаний, что он совершил нечто ужасное, из-за чего за ним и устроили настоящую охоту.

– Роберт, вы совершенно точно видели измененную картину Боттичелли до того, как вас ранили, и знали, что в ней содержится код, указывающий на фреску Вазари. Поэтому в бреду вы и повторяли его имя!

Лэнгдон пытался понять, что все это значит. В своих лекциях и выступлениях он часто называл Джорджо Вазари – художника, архитектора и писателя шестнадцатого века – первым в мире искусствоведам. Несмотря на сотни созданных им полотен и десятки

спроектированных зданий, его главным наследием считается монументальный труд «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» – сборник биографий итальянских художников, который и по сей день остается обязательным для прочтения всеми изучающими историю искусств.

Примерно тридцать лет назад Джорджо Вазари снова оказался в центре внимания. Тогда на фреске его кисти в Зале пятисот палаццо Веккьо было случайно обнаружено его «тайное послание» – *cerca trova*.

Крошечные буквы на зеленом боевом знамени были практически незаметны на фоне бурной сцены сражения. Хотя до сих пор нет единого мнения, зачем Вазари написал на фреске это непонятное послание, большинство исследователей склоняется к тому, что это была подсказка будущим поколениям: так художник хотел сообщить, что в трехсантиметровом зазоре за стеной с его фреской находится считающаяся утраченной фреска Леонардо да Винчи.

Сиенна с тревогой поглядывала на кроны деревьев.

– Но мне все равно кое-что непонятно. Если вы ни в чем плохом не замешаны... почему эти люди пытаются вас убить?

Этот вопрос не давал покоя и самому Лэнгдону.

Услышав приближающееся жужжание разведывательного беспилотника, Лэнгдон понял, что пора принимать решение. Он не знал, как «Битва при Марчиано» Вазари может быть связана с «Адом» Данте или с тем, что прошлой ночью в него стреляли, но теперь было ясно, в каком направлении следует искать ответы.

Cerca trova.

Ищите и обрящете.

И снова перед глазами Лэнгдона возникла женщина с серебристыми волосами, взывавшая к нему с другого берега реки. *Время на исходе!* Лэнгдон чувствовал, что ответы, если они есть, находятся в палаццо Веккьо.

Ему вдруг вспомнилось одно старое правило, которым с незапамятных времен руководствовались греческие ныряльщики,

ловившие омаров в коралловых пещерах Эгейских островов. *Когда находящийся в темном подводном тоннеле пловец понимает, что воздуха вернуться назад уже не хватит, единственным решением становится плыть в неизвестность... и молиться о том, что впереди есть выход.*

Лэнгдон спрашивал себя, не наступил ли такой момент и для них.

Он окинул взглядом дорожки, разбегавшиеся в разные стороны. Если им с Сиенной удастся добраться до палаццо Питти и выйти из парка, то от Старого города их будет отделять только Понте-Веккьо – самый знаменитый в мире пешеходный мост. Там всегда полно народу, и затеряться в толпе не составит труда. А оттуда до палаццо Веккьо рукой подать.

Жужжание беспилотника раздавалось все громче, и Лэнгдон вдруг почувствовал, как сильно от всего этого устал. Теперь, когда он знал, что не совершил ничего дурного, их отчаянные попытки не попасть в руки полиции казались ему лишеными всякого смысла.

– Сиенна, рано или поздно они все равно меня схватят, – сказал Лэнгдон. – Думаю, мне пора перестать бегать.

Сиенна взглянула на него с тревогой.

– Роберт, каждый раз, когда вы останавливаетесь, в вас начинают стрелять! Вы должны понять, в чем оказались замешаны. Надо добраться до фрески Вазари, будем надеяться, что это оживит вашу память. Может, вы вспомните, откуда у вас этот проектор и зачем вы носите его с собой.

Перед глазами Лэнгдона промелькнули женщина со склеенными в шипы волосами, картина хладнокровного убийства доктора Маркони... военные, открывшие по ним огонь... полицейское оцепление у Римских ворот... А теперь еще и разведывательный беспилотник кружит над ними в садах Боболи.

– Роберт! – окликнула его Сиенна, и ее голос выдавал волнение. – Есть еще кое-что... что раньше не казалось мне важным, а теперь кажется.

Почувствовав в ее тоне тревогу, Лэнгдон поднял взгляд.

– Я хотела сказать вам еще дома, но...

– Что?

Сиенна смутилась.

– Когда вы появились в больнице... вы уже были не в себе и бредили, пытаясь что-то сказать.

– Да, – согласился Лэнгдон, – я повторял «Вазари, Вазари».

– Верно, но до этого... когда мы еще не включили диктофон... вы произнесли фразу, которую я запомнила. Вы произнесли ее всего один раз, но я уверена, что все расслышала правильно.

– И что я сказал?

Сиенна посмотрела вверх, где кружил беспилотник, и перевела взгляд на Лэнгдона.

– Вы сказали: «У меня ключ к разгадке... если я не справлюсь, всех ждет гибель».

Лэнгдон молчал, не зная, что и думать.

Сиенна продолжала:

– Я тогда подумала, что вы имели в виду предмет в кармане пиджака, но теперь сомневаюсь.

Если я не справлюсь, всех ждет гибель? Лэнгдон был потрясен. Перед его глазами замелькали образы смерти... Дантов ад, знак биологической опасности, врачеватель чумы. И он снова увидел прекрасную женщину с серебристыми волосами, которая обращалась к нему с мольбой с другого берега кроваво-красной реки. *Ищите и обрящите! Время на исходе!*

Голос Сиенны вернул его к действительности.

– На что бы ни указывало изображение в проекторе... и что бы вы ни пытались отыскать... это наверняка что-то очень и очень опасное. И какие-то люди пытаются нас убить... – Ее голос слегка дрогнул, и она не сразу взяла себя в руки. – Подумайте сами. В вас стреляли среди бела дня... стреляли *в меня* – совершенно постороннего человека. Никто и не пытается ничего обсуждать. Даже правительство вашей страны поставило на вас крест... Вы обратились к нему за помощью, а в ответ оно послало убийц.

Лэнгдон опустил голову. Сообщило ли консульство адрес убийце или направило убийцу само, не имело значения. Результат все равно один. *Мое собственное правительство против меня.*

Заглянув в карие глаза Сиенны, Лэнгдон увидел в них решимость. *Во что я ее втянул?*

– Мне жаль, но я не знаю, что мы ищем. Это хоть как-то помогло бы сориентироваться.

Сиенна согласно кивнула.

– Нам обязательно надо это найти. Во всяком случае, это наш единственный шанс.

Она, конечно, была права. И все же Лэнгдона что-то смущало. *Если я не справлюсь, всех ждет гибель.* Все утро он то и дело сталкивался с пугающими символами биологической опасности, чумы и Дантова ада. Конечно, он понятия не имел, что именно искал, но глупо даже не допускать возможности какой-то глобальной биологической угрозы. Но если так, почему его хочет устранить даже правительство США?

Неужели все считают, что я причастен к готовящейся биологической атаке?

Но это же полный абсурд! Нет, тут что-то другое.

Лэнгдон снова подумал о женщине с серебристыми волосами.

– Та женщина из моих видений. Я чувствую, что должен ее разыскать.

– Тогда доверьтесь своим чувствам, – сказала Сиенна. – В вашем состоянии подсознание – самый надежный подсказчик. Это азы психологии: если чувствуете, что этой женщине можно верить, делайте так, как она говорит.

– Ищите и обрящете, – произнесли они в унисон.

Отбросив последние сомнения и приняв решение, Лэнгдон с облегчением выдохнул.

Теперь мне остается только плыть по подводной пещере вперед.

Чувствуя, как в нем крепнет решимость, Лэнгдон обвел взглядом окрестности, собираясь с мыслями. *В какой стороне находится выход*

из садов?

Они стояли в тени деревьев у края большой лужайки, на которой сходились несколько дорожек. Чуть впереди слева Лэнгдон заметил небольшой пруд овальной формы с декоративным островком, украшенным лимонами в горшках и скульптурой Персея верхом на выбирающейся из воды лошади.

Остров Изолотто, узнал Лэнгдон.

– Палаццо Питти там, – сказал он, показывая на восток от Изолотто в сторону главной аллеи парка Вьоттолоне.

Эта широкая, как двухполосное шоссе, аллея пересекала весь парковый ансамбль с запада на восток, а окаймлявшим ее стройным кипарисам было не меньше четырехсот лет.

– Но там мы будем на самом виду, – засомневалась Сиенна, показывая на круживший неподалеку беспилотник.

– Вы правы, – с усмешкой согласился Лэнгдон. – Поэтому мы воспользуемся проложенным рядом тоннелем. – Он снова показал рукой, но уже на густую изгородь вдоль Вьоттолоне.

Входом в тоннель служила арка, вырезанная в сплошной стене зелени, за которой параллельно аллее бежала ровная дорожка. Ее обрамляли смыкающиеся над ней ветки дубовых деревьев, которые с семнадцатого века специально подстригали так, чтобы они, переплетаясь сверху, образовывали сводчатое перекрытие. Своим названием «Черкьята» дорожка обязана тому, что эти изогнутые ветки напоминают по форме обручи для бочки, по-итальянски *cerchi*.

Сиенна поспешила к арке, заглянула в тенистый проход и тут же обернулась с довольной улыбкой:

– Годится. – После этого она скользнула внутрь и исчезла в зарослях.

Лэнгдон всегда считал тропу Черкьята одним из самых безмятежных мест во всей Флоренции. Но сейчас, глядя вслед исчезнувшей в полумраке зарослей Сиенне, он снова подумал о греках-ныряльщиках, которые заплывали в подводных пещерах так

далеко, что им оставалось только молиться, чтобы впереди их ждал не тупик.

Произнося быструю молитву по их примеру, он поспешил за Сиенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ДЭН БРАУН

Инферно

Примечания

1

Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, цитаты из «Божественной Комедии» Данте Алигьери даны в переводе с итальянского Д. Минаева.

[Вернуться](#)

2

Закрyto! (*ит.*) – *Здесь и далее примеч. пер.*

[Вернуться](#)

3

Энрико, не умирай! Прошу тебя! (*ит.*)

[Вернуться](#)

4

Маски (*ит.*).

[Вернуться](#)

5

Здравствуйте, это я! Оставьте сообщение, и я вам перезвоню (*ит.*).

[Вернуться](#)

6

Справочная? Не могли бы вы дать мне номер телефона американского консульства? (*ит.*)

[Вернуться](#)

7

Американское консульство. Дежурный слушает (*ит.*).

[Вернуться](#)

8

Вы говорите по-английски? (*ит.*)

[Вернуться](#)

9

Ад Данте (*ит.*).

[Вернуться](#)

10

Дамы и господа (*нем.*).

[Вернуться](#)

11

Добро пожаловать (*нем., фр., англ.*).

[Вернуться](#)

12

Простите! (*ит.*)

[Вернуться](#)

13

Не говорим по-итальянски (*ит.*).

[Вернуться](#)

14

«Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Перевод М. Юсима.

[Вернуться](#)